

АФРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА

Критические концепции в политической науке

Другие названия из этой серии

Revolution

Отредактировано с новым введением Розмари Х. Т. О'Кейн, набор из 4 томов

Национализм

Отредактировано с новым введением Джона Хатчинсона и Энтони Д. Смита. Набор из 5 томов.

Международные отношения

Отредактировано с новым введением Эндрю Линклейтера, набор из 5 томов

Либерализм

Отредактировано с новым введением Г. В. Смита, набор из 4 томов.

Социализм

Отредактировано с новым введением Джереми Дженнингса, набор из 4 томов.

Global Governance Edited

with new Introduction by Timothy J. Sinclair Набор из 4 томов

Благосостояние и государство

Отредактировано с новым введением Николаса Дикина,
Кэтрин Джонс Файнер и Боб Мэтьюз, набор из 5 томов

Фашизм

Отредактировано с новым введением Роджера Гриффина и набором из 5 томов Мэтью Фельдмана.

Сравнительная политика

Отредактировано с новым введением Говарда Виарда, набор из 6 томов.

Терроризм

Отредактировано с новым введением Дэвида К. Рапопорта. Набор из 4 томов.

Права человека

Отредактировано с новым введением Хилала Элвера, Ричарда Фалька и Лизы
Хаджар. Набор из 5 томов.

Демократия

Отредактировано с новым введением Майкла Саварда, набор из 4 томов.

Исследования мира

Отредактировано с новым введением Мэтью Евангелисты, набор из 4 томов.

Война Отредактировано с новым введением Алекса Дж. Беллами, 4 тома

Цивилизация

Отредактировано с новым введением Бретта Боудена, набор из 4 томов.

Европейский Союз

Отредактировано с новым введением Саймона Ашервуда, набор из 5 томов.

Международная политическая экономия. Отредактировано с новым введением Бенджамина Дж. Коэна. Набор из 4 томов.

Исламская политическая мысль и управление

Отредактировано с новым введением Абдуллы Саида, набор из 4 томов

Запад и Ближний Восток

Отредактированный и с новым введением Барри Рубина, набор из 4 томов.

Аль-Каида

Отредактировано и с новым введением Пола Круикшенка, набор из 5 томов.

Политические знания

Отредактировано с новым введением Джеффри Фридмана и Штерны Фридман. Набор из 4 томов.

Закон и политика

Отредактировано с новым введением Кейта Уиттингтона, набор из 4 томов.

Политика и Интернет

Отредактировано с новым введением Уильяма Х. Даттона, набор из 4 томов.

Исламские политические и социальные движения

Отредактировано с новым введением Барри Рубина, набор из
4 томов.

Гражданство

Отредактировано с новым введением Ричарда Беллами и
Набор из 4 томов Мадлен Кеннеди-
Макфой

Предстоящие

Объединенные Нации

Отредактировано с новым введением Дэвида Трэверса, набор из
5 томов.

Демократизация

Отредактировано с новым введением Рональда Инглхарта и
Кристиана Велцеля. Набор
из 4 томов.

Терроризм и права человека

Отредактировано с новым введением Алекса Шмида, набор из
4 томов

Глобальное управление

Отредактировано с новым введением Дэвида Коэна и Тома Пеграма. Набор из 4 томов.

Постколониальная

политика Отредактировано с новым введением Санджая Сета,
Франсиско Карбальо и Дэвида Л. Мартина. Набор из
4 томов.

АФРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА

Критические концепции в политической науке

Отредактировано
Ник Чизман

Том I
Африка и мир:
Суверенитет, зависимость и экстраверсия

Впервые опубликовано в 2016 г.

Рутледж

Парк-сквер, 2, Милтон-Парк, Абингдон, Оксон OX14 4RN

и от Рутледжа

711 Третья авеню, Нью-Йорк, NY 10017

Routledge является отпечатком группы компаний Taylor & Francis Group, занимающейся информационным бизнесом.

Редакционные материалы и подборка © 2016 Nic Cheeseman; отдельные владельцы сохраняют за собой авторские права на свои собственные материалы.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть перепечатана, воспроизведена или использована в любой форме или любыми электронными, механическими или другими средствами, известными в настоящее время или изобретенными в будущем, включая фотокопирование и запись, или в любой системе хранения или поиска информации, без письменного разрешения. от издателей.

Уведомление о товарных знаках. Названия продуктов или компаний могут быть товарными знаками или зарегистрированными товарными знаками и использоваться только для идентификации и пояснения без намерения нарушить авторские права.

Каталогизация Британской библиотеки в данных публикаций

Запись в каталоге этой книги доступна в Британской библиотеке.

Каталогизация Библиотеки Конгресса в данных публикаций

Запрошена каталожная запись для этой книги

ISBN: 978-1-138-90165-0 (набор)

ISBN: 978-1-138-90166-7 (Том I)

Набрано 10/12pt Times NR MT

от Graphicraft Limited, Гонконг

Примечание издателя

Ссылки в каждой главе приведены в том виде, в каком они появляются в исходном полном собрании.

Для Джульетты, которая делает все возможным

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ I АФРИКА И МИР:
СУВЕРЕНИТЕТ, ЗАВИСИМОСТЬ И ЭКСТРАВЕРСИЯ

Благодарности редактора	xix
Благодарности	xxi
Хронологическая таблица перепечатанных статей и глав	xxiii
Введение в африканскую политику и Том I	1
ЧАСТЬ 1	
Колониальное правление и его наследие	27
1 Работоторговля и истоки недоверия в Африке	29
2 За пределами поселенца и туземца как политических идентичностей: преодоление политическое наследие колониализма	71
3 британское колониальное наследие и политическое развитие	85
ЧАСТЬ 2	
Суверенитет, зависимость и экстраверсия	109
4 Политическая экономия кредитования МВФ в Африке	111

5 Африка в мире: история экстраверсии	141
6 Экстраверсия, уязвимость перед донорами и политическая либерализация в Африке	190
ЧАСТЬ 3	
Помощь и программа управления	213
7 Иностранная помощь, институты и управление в странах Африки к югу от Сахары	215
8 Сила партнерства в глобальном управлении	247
9 Обусловление эффектов помощи: политика холодной войны, доверие доноров и демократия в Африке	265
ЧАСТЬ 4	
Африканская диаспора и рост денежных переводов	283
10 Глобализация снизу: осмысление роли африканских диаспор в развитии Африки	285
11 Транснациональные потоки ресурсов и парадоксы принадлежности: перенаправление дебатов о транснационализме, денежных переводах, государстве и гражданстве в Африке	318
12 африканских диаспор: к мировой истории	341
ЧАСТЬ 5	
Панафриканизм, Африканский союз и региональная интеграция	359
13 Объясняя столкновение и согласование интересов крупных участники создания Африканского союза	361

14 Глобализация и регионализация в Африке: реакция на попытки неолиберального регионализма	380
ЧАСТЬ 6	
Подъем Китая и «многополярный» мир	401
15 Конкурирующие гегемоны? Китайский против американского геоэкономического стратегии в Африке	403
16 Прошлое в настоящем: исторические и риторические линии в отношениях Китая с Африкой	430
ТОМ II АФРИКАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО: БОРЬБА УПРАВЛЯТЬ ЛЮДЬМИ И ПРОСТРАНСТВОМ	
Благодарности	икс
Введение во второй том	1
ЧАСТЬ 1	
Постколониальное государство и его ограничения	15
17 Конец постколониального государства в Африке? Размышления об изменении политической динамики в Африке	17
18 Гражданство и этническая принадлежность: исследование двух переходных моментов в кенийской политике	44
19 Логика несостоятельности государства: уроки Африки конца века	81
20 Реакция на провал государства в Африке	102

ЧАСТЬ 2	
Традиционные лидеры, «гибридные институты» и неуправляемые пространства	125
21 Демократическая децентрализация и традиционная власть: дилеммы управления земельными ресурсами в сельских районах Южной Африки	127
22 Истоки устойчивости: изучение массовой поддержки африканских традиционные авторитеты	146
23 сумеречных института: государственная власть и местная политика в Африке	169
24 Политика защиты: взгляды на бдительность в Нигерии	191
ЧАСТЬ 3	
Неопатримониализм, подпольная экономика и коррупция	207
25 Переосмысление неопатримониализма: критический обзор и разработка неуловимой концепции	209
26 Моральная экономика коррупции в Африке?	233
27 Подпольная экономика, насилие и государства в Африке	260
ЧАСТЬ 4	
Патримониализм развития и состояния развития	283
28 Думая о государствах развития в Африке	285
29 Неопатримониализм, погоня за рентой и развитие: идти по течению?	318
30 Развитие патримониализма? Случай Руанды	325

ЧАСТЬ 5	
Налогообложение и общественный договор	349
31 Налоговые органы и органы государственной власти в странах Африки к югу от Сахары	351
-	
32 Облагай меня налогом, если сможешь: этническая география, демократия и налогообложение сельского хозяйства в Африке	369
33 Истоки добровольного соблюдения: отношение к налогообложению в городах Нигерии	398
ТОМ III ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОЛИТИКА, КОНФЛИКТ И РАЗМЕЩЕНИЕ: КЛАСС, РЕЛИГИЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	
Благодарности	икс
Введение в Том III	1
ЧАСТЬ 1	
Класс и неравенство	17
34 Демократия и распределение в странах с крайне неравномерной экономикой: случай Южной Африки	19
35 Институциональные причины неравенства в странах Африки к югу от Сахары	45
36 «Палимпсест противоречий»: этническая, классовая и политика в Африке	73
ЧАСТЬ 2	
Политика религии	91
37 Религия и политика: серьезное отношение к африканской эпистемологии	93

38 Преобразование политики, динамичная религия: политическая влияние в современной Африке	109
39 От спора к переговорам: построение демократии в Африканский мусульманский контекст	126
ЧАСТЬ 3 Этническая принадлежность, гражданство и развитие	149
40 Политическая значимость культурных различий: почему Чевас и Тумбуки — союзники в Замбии и противники в Малави.	151
41 От ограниченного гражданства к гибкому: уроки Африки	183
42 Племя или нация? Национальное строительство и общественные блага в Кении и Танзании	196
ЧАСТЬ 4 Идентичность, земля и конфликт	231
43 Политика земельной реформы в Зимбабве	233
44 Автохтонность и гражданство: новые формы борьбы за принадлежность и исключение в Африке	255
45 Земельные режимы и структура политики: модели конфликтов, связанных с землей	268
ЧАСТЬ 5 Гражданская война и этническое насилие	285
46 Почему в Африке так много гражданских войн? Понимание и предотвращение насильственных конфликтов	287

47 О случаях гражданской войны в Африке	309
48 Войны кончаются! Изменение моделей политического насилия в К югу от Сахары	327
ЧАСТЬ 6	
Миростроительство, разделение власти и межэтническое согласие	349
49 Мир и разделение власти в Африке: не столь очевидная взаимосвязь	351
50 Покровительство и политическая стабильность в Африке	370
51 Федерализм в Африке: опыт Нигерии в сравнительной перспективе	392
ТОМ IV АВТОРИТАРИЗМ И БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЯ: ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО И ВЫБОРЫ	
Благодарности	икс
Введение в Том IV	1
ЧАСТЬ 1	
Современный авторитаризм	15
52 Перевоороты и конфликты в Западной Африке, 1955–2004 гг.: Часть I, теоретические перспективы	17
53 Диапазон режимов в Африке	38
54 Меняющееся лицо авторитаризма в Африке: пример Уганды	52

55 Идеология, гражданская власть и зимбабвийские вооруженные силы	77
ЧАСТЬ 2	
Политические партии и партийные системы	99
56 Оценка африканских партийных систем после третьей волны	101
57 Капитал и оппозиция в Африке: создание коалиций в полиэтнических обществах	122
ЧАСТЬ 3	
Клиентелизм и политическая мобилизация	159
58 Намерения голосовать в Африке: этнические, экономические или партийные?	161
59 «Нам пора «рубить»»: выборы в Африке подпитывают неопатримониализм, а не противодействуют ему?	187
60 Клиентелизм и поведение при голосовании: данные полевого эксперимента в Бенине	206
ЧАСТЬ 4	
Сила выборов	229
61 Удивительное значение выборов в Африке	231
62 Выборы в Африке как средство перемен	245
ЧАСТЬ 5	
Горизонтальная подотчетность и политическая институционализация	261
63 Институционализация политической власти в Африке	263

64 президента неукротимые	277
65 Законодательные органы на подъеме?	291
66 Переработка стратегических моделей исполнительно-судебных отношений: взгляды новых африканских демократий	305
ЧАСТЬ 6	
Гражданское общество, гендер и политическое представительство	329
67 Гражданское общество и демократическое развитие	331
68 Религия и демократизация в Африке	354
69 Женщины в движении: трансформация политического ландшафта Африки	377
70 Гендерные квоты, демократия и представительство женщин в Африке: некоторые идеи из демократической Ботсваны и авторитарной Руанды	401
Индекс	424

БЛАГОДАРНОСТЬ РЕДАКТОРА

Я благодарен авторам, включенным в эти четыре тома, за разрешение воспроизвести их работу, Габриэль Линч и Джастину Уиллису за их идеи и советы относительно введения, а также Мойза Савар и Клэр Элдер за прекрасную помощь в исследованиях. Рита Абрахамсен, Питер фон Дёпп, Лорен Харрисон, Дэн Пэджет, Рэйчел Битти Ридл и Николя ван де Валле предоставили ценные и щедрые отзывы о выборе глав. Любые оставшиеся ошибки или упущения являются моими собственными.

БЛАГОДАРНОСТИ

Издатели хотели бы поблагодарить за разрешение перепечатать их материал:

Американской экономической ассоциации и авторам за разрешение на перепечатку Натана Нанна и Леонарда Ванчекона, «Работоторговля и истоки недоверия в Африке», *American Economic Review*, 2011, 101, 7, 3221–3252.

Издательство Кембриджского университета за разрешение на перепечатку Махмуда Мамдани, «Помимо поселенцев и туземцев как политических идентичностей: преодоление политического наследия колониализма», *Сравнительные исследования в обществе и истории*, 2001, 43, 4, 651–664.

Elsevier за разрешение на перепечатку Мэтью К. Ланге, «Британское колониальное наследие и политическое развитие», *World Development*, 2004, 32, 6, 905–922.

Издательство Кембриджского университета за разрешение на перепечатку книги Рэндалла В. Стоуна, «Политическая экономия кредитования МВФ в Африке», *American Policy Science Review*, 2004, 98, 4, 577–591.

Издательство Оксфордского университета за разрешение на перепечатку Жана-Франсуа Баяра, «Африка в мире: история экстраверсии», *African Affairs*, 2000, 99, 395, 217–267.

Oxford University Press и авторам за разрешение на перепечатку Кэрин Пайффер и Пьера Энглебера, «Экстраверсия, уязвимость перед донорами и политическая либерализация в Африке», *African Affairs*, 2012, 111, 444, 355–378.

Издательству Чикагского университета и авторам за разрешение на перепечатку Дебора А. Бротигам и Стивен Нэк, «Иностранная помощь, институты и управление в странах Африки к югу от Сахары», «Экономическое развитие и культурные изменения», 2004 г., 52, 2, 255–285 . .

Тейлор и Фрэнсис и автору за разрешение на перепечатку Риты Абрахамсен, «Сила партнерства в глобальном управлении», *Third World Quarterly*, 2004, 25, 8, 1453–1467.

Издательство Кембриджского университета и автору за разрешение на перепечатку Тэда Даннинга, «Обусловление последствий помощи: политика холодной войны, доверие к донорам и демократия в Африке», Международная организация, 2004 г., 58, 2, 409–423.

Тейлор и Фрэнсис и авторам за разрешение на перепечатку Джайлза Мохана и А. Б. Зака-Уильямса, «Глобализация снизу: осмысление роли африканских диаспор в развитии Африки», Обзор африканской политической экономики, 2002 г., 29, 92, 211–236 . .

Тейлор и Фрэнсис и авторам за разрешение перепечатать Эбенезера Обадаре и Уэйла Адебанви, «Транснациональные потоки ресурсов и парадоксы принадлежности: перенаправление дебатов о транснационализме, денежных переводах, государстве и гражданстве в Африке», Обзор африканской политической экономики, 2009 , 36 , 122, 499–517.

Издательство Кембриджского университета за разрешение на перепечатку Пола Тиямбе Зелезы, «Африканские диаспоры: на пути к глобальной истории», Обзор африканских исследований, 2010 г., 53, 1, 1–19.

Издательство Оксфордского университета и автору за разрешение на перепечатку Томаса Квази Тиеку, «Объяснение столкновения и согласования интересов основных действующих лиц при создании Африканского союза», « Африканские дела», 2004 г., 103, 411, 249–267.

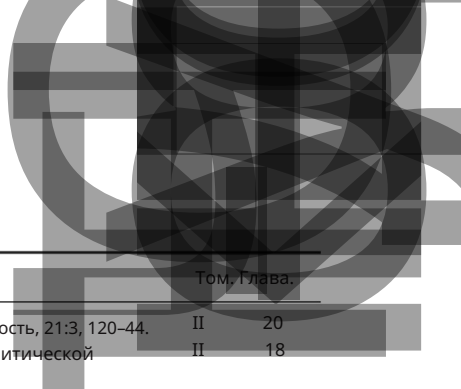
Тейлор и Фрэнсис и автору за разрешение на перепечатку Иана Тейлора, «Глобализация и регионализация в Африке: реакция на попытки неолиберального регионализма», Обзор международной политической экономики, 2003, 10, 2, 310–330.

Elsevier за разрешение на перепечатку книги Падрайга Р. Кармоди и Фрэнсиса Ю. Овусу «Соперничающие гегемоны? Китайские и американские геоэкономические стратегии в Африке», Политическая география, 2007, 26, 504–524.

Издательство Кембриджского университета и автору за разрешение перепечатать Джулию С. Штраус, «Прошлое в настоящем: исторические и риторические линии в отношениях Китая с Африкой», The China Quarterly, 2009, 199, 777–795.

Отказ от ответственности

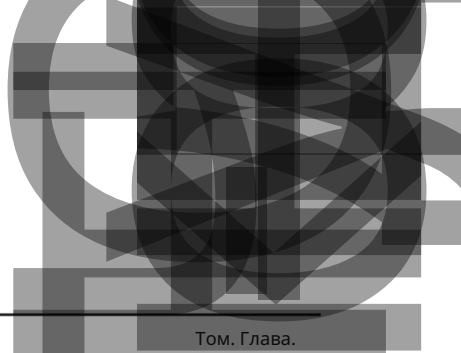
Издатели приложили все усилия, чтобы связаться с авторами/правообладателями работ, перепечатанных в журнале « Африканская политика» (Критические концепции в политической науке). Однако это было возможно не во всех случаях, и мы приветствовали бы корреспонденцию от тех лиц/компаний, с которыми мы не смогли связаться. проследить.

XXXX

Хронологическая таблица перепечатанных статей и глав

Дата Автор	Статья/Глава	Источник	Том, Глава.	
1996 Джеффри Хербст	Реакция на провал государства в Африке	Международная безопасность, 21:3, 120-44.	II	20
1997 Стивен Н. Ндегва	Гражданство и этническая принадлежность: исследование двух переходных моментов в кенийской политике	Обзор американской политической науки, 91:3, 599-616.	II	18
1999 JP Olivier de Sardan	Моральная экономика коррупции в Африке?	Журнал современных африканских исследований, 37: 1, 25-52.	II	26
2000 Жан-Франсуа Баяр	Африка в мире: история экстраверсии по африканским делам	99:395, 217-67.	я 5	
2000 Ибрагим Эльбадави и Николас Самбанис, Банк слов	Почему в Африке так много гражданских войн? Понимание и предотвращение насильственных конфликтов	Журнал африканской экономики, 9:3, 244-69.	III	46
2000 Уильям Рено	Подпольная экономика, насилие и государства в Африке	Журнал по международным делам, 53: 2, 433-59.	II	27
2001 Махмуд Мамдани	За пределами поселенца и туземца как политической идентичности: преодоление политического наследия колониализма.	Сравнительные исследования в обществе и истории, 43:4, 651-64.	я	2
2001 Тандика Мкандавире	Размышляя о государствах развития в Африке	Кембриджский журнал экономики, 25:3, 289-314.	II	28
2001 Николи Наттрасс и Джерemi Поискс	Демократия и распределение в странах с крайне неравноправной экономикой: пример Южной Африки	Журнал современных африканских исследований, 39:3, 471-98.	III	34
2002 Пол Коллиер и Анке Хёффлер	О развязывании гражданской войны в Африке	Журнал разрешения конфликтов, 46:1, 13-28.	III	47
2002 Джайлз Мохан и Э.Б. Зак-Уильямс	Глобализация снизу: осмысление роли африканских диаспор в развитии Африки	Обзор африканской политической экономии, 29:92, 211-36.	я	10
2002 Николя ван де Валле	Диапазон режимов в Африке	Журнал демократии, 13:2, 66-80.	IV	53

Хронологическая таблица продолжение

Дата Автор	Статья/Глава	Источник	Том. Глава.
2003 Стаффан И. Линдберг	«Нам пора «рубить»»: выборы в Африке подпитывают неопатримониализм, а не противодействуют ему?	Демократизация, 10:2, 121-40.	IV 59
2003 Сэм Мойо и Проспер Матонди	Политика земельной реформы в Зимбабве	От мыса до Конго: новые вызовы безопасности в Южной Африке (Боулдер: Линн Риннер), стр. 73-95.	III 43
2003 Ян Тейлор	Глобализация и регионализация в Африке: реакция на попытки неолиберального регионализма	Обзор международной политической экономии, 10:2, 310-30.	я 14
2003 Айли Мари Трипп	Женщины в движении: трансформации в Африканские политические ландшафты	Международный феминистский журнал политики, 5: 2, 233-55.	IV 69
2003 Леонард Ванчекон Клиентелизм	и поведение при голосовании: данные полевого эксперимента в Бенине.	Мировая политика, 55:3, 399-422.	IV 60
2004 Рита Абрахамсен	Сила партнерства в глобальном управлении	Ежеквартальный журнал «Третий мир», 25:8, 1453-1467.	я 8
2004 Брюс Дж. Берман	«Палимпсест противоречий»: этничность, класс и политика в Африке	Международный журнал африканских исторических исследований, 37: 1, 13-31.	III 36
2004 Дебора А. Бройтигам и Стивен Нэк	Иностранная помощь, институты и управление в странах Африки к югу от Сахары	Экономическое развитие и культурные изменения, 52:2, 255-85.	я 7
2004 Тэд Даннинг	Обусловливание эффектов помощи: политика холодной войны, доверие доноров и демократия в Африке	Международная организация, 58:2, 409-23.	я 9
2004 Э. Гима-Боади	Гражданское общество и демократическое развитие	Демократическая реформа в Африке: качество прогресса, Линн Риннер, стр. 99-120.	IV 67

XXV

2004 Джефф Хейнс
2004 Мэтью К. Ланге

2004 Эдвард Мигель

2004 Лунгисиле Нцезеба

2004 Дэниел Н. Познер

2004 Рэндалл В. Стоун

2004 Томас Квази Тиеку

2004 Айли Мари Трипп

2004 Кроуфорд Янг

2005 Питер Гешир

2005 Кэрри Мэннинг

2005 г. Патрик Дж. Макгоуэн
Перевороты и конфликты в Западной Африке,
1955–2004 гг.: Часть I, теоретические перспективы

Религия и демократизация в Африке
Британское колониальное наследие и
политическое развитие

Племя или нация? Национальное строительство и
общественные блага в Кении и Танзании
Демократическая децентрализация и традиционная
власть: дилеммы управления земельными ресурсами в
сельских районах Южной Африки

Политическая значимость культурных различий:
почему чева и тумбука являются союзниками
в Замбии и противниками в Малави

Политическая экономия кредитования МВФ в
Африке

Объясняя столкновение и согласование
интересов основных действующих лиц при создании
Африканского союза

Меняющееся лицо авторитаризма в Африке:
пример Уганды

Конец постколониального государства в Африке?
Размышления об изменении политической
динамики в Африке

Автохтонность и гражданство: новые способы
борьбы за принадлежность и изоляцию в
Африке

Оценка африканских партийных систем
после третьей волны

Демократизация, 11:4, 66–89.

Мировое развитие, 32:6, 905–22.

Мировая политика, 56:3, 328–62.

Европейский журнал исследований в
области развития, 16:1, 71–89.

Обзор американской политической
науки, 98: 4, 529–45.

Обзор американской политической
науки, 98:4, 577–91.

Дела Африки, 103:411, 249–67.

Африка сегодня, 50:3, 3–26.

Африканские дела, 103:410, 23–49.

Форум исследований в области
развития, 33:2, 371–84.

Партийная политика, 11: 6, 707–27.

Вооруженные силы и общество, 32:1, 5–23. IV 52

IV 68

я 3

III 42

II 21

III 40

я 4

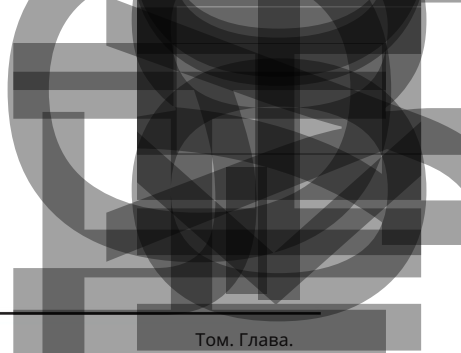
я 13

IV 54

II 17

III 44

IV 56

Хронологическая таблица продолжение

Дата Автор	Статья/Глава	Источник	Том. Глава.	
2006 Стаффан И. Линдберг	Удивительное значение выборов в Африке	Журнал демократии, 17:1, 139-51. IV 61		
2006 Кристиан Лунд	Сумеречные институты: государственная власть и местная политика в Африке	Развитие и изменение, 37:4, 685-705.	II	23
2007 Падрейг Р. Кармоди и Фрэнсис Ю. Овусу	Конкурирующие гегемоны? Китайские и американские геоэкономические стратегии в Африке	Политическая география, 26, 504-24.	я	15
2007 Стивен Эллис и Джерри тер Хаар	Религия и политика: серьезное отношение к африканской эпистемологии	Журнал современных африканских исследований, 45:3, 385-401.	III	37
2007 Геро Эрдманн и Ульф Энгель	Переосмысление неопатримониализма: критический обзор и разработка неуловимой концепции	Содружество и сравнительная политика, 45: 1, 95-119.	II	25
2007 Кимули Касара	Облагай меня налогом, если сможешь: этническая география, демократия и налогообложение сельского хозяйства в Африке	Обзор американской политической науки, 101:1, 159-72.	II	32
2007 г. Фрэнсис Б. Ньямнджох	От ограниченного гражданства к гибкому: уроки Африки	Исследования гражданства, 11:1, 73-82.	III 41	
2007 Дэниел Н. Познер и Дэниел Дж. Янг	Институционализация политической власти в Африке	Журнал демократии, 18:3, 126-40. IV 63		
2008 Джоэл Д. Баркан 2008 Роберт Х. Бейтс	Законодатели на подъеме? Логика провала государства: уроки Африки конца века	Журнал демократии, 19:2, 124-37. IV 65 Управление конфликтами и мир 19 Наука, 25:4, 297-314.	II	
2008 Дэвид Праттен	Политика защиты: взгляды на бдительность в Нигерии	Африка, 78:1, 1-15.	II	24
2008 г. Х. Кваси Премпе 2009 г. Леонардо Р. Арриола	Президенты неукротимые Патронаж и политическая стабильность в Африке	Журнал демократии, 19: 2, 109-23. IV 64 Сравнительные политические исследования, 50 1339-62 гг.	III	

2009 Одд-Хельге Фьелдстад и Мик Мур	Налоговые органы и органы государственной власти в странах Африки к югу от Сахары
2009 Андреас Мелер	Мир и разделение власти в Африке: не столь очевидная взаимосвязь
2009 Эбенезер Обадаре и Уэйл Адебанви	Транснациональные потоки ресурсов и парадоксы принадлежности: перенаправление дебатов о транснационализме, денежных переводах, государстве и гражданстве в Африке
2009 Джулия С. Штраус	Прошлое в настоящем: исторические и риторические линии в отношениях Китая с Африкой
2009 Ротими Суберу	Федерализм в Африке: нигерийский опыт в сравнительной перспективе
2009 Николя ван де Валле	Институциональные истоки неравенства в странах Африки к югу от Сахары
2010 Ник Чизман 2010 Леонардо А. Вильялон	Выборы в Африке как средство перемен
2010 Пол Тиямбе Зелеза	демократия в африканском мусульманском контексте
2011 Натан Нанн и Леонард Ванчекон	Африканские диаспоры: к глобальной истории Работоторговля и истоки недоверия в Африке
2011 Питер фон Дозпп и Рэйчел Эллетт	Переработка стратегических моделей исполнительных и судебных отношений: опыт новых африканских демократий
2012 Дэвид Бут и Фредерик Голооба-Мутеби	Патримониализм развития? Случай Руанды

Журнал современных африканских исследований, 47: 1, 1–18.
Дела Африки, 108:432, 453–73.

Обзор африканской политической экономики, 36:122, 499–517.

The China Quarterly, 199, 777–95.

Этнополитика, 8:1, 67–86.

Ежегодный обзор политических наук, 12, 307–27.

Журнал демократии, 21:4, 139–53. IV 62
Сравнительная политика, 42:4, 375–93. 39

Обзор африканских исследований, 53:1, 1–19.
American Economic Review, 101:7, 3221–52.

Сравнительная политика, 43: 2, 147–65.

Дела Африки, 111:444, 379–403.

II 31

III 49

я 11

я 16

III 51

III 35

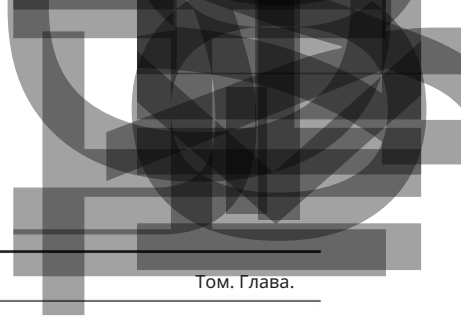
III

я 12

я 1

IV 66

II 30

Хронологическая таблица продолжение

Дата Автор	Статья/Глава	Источник	Том. Глава.	
2012 Майкл Брэттон, Рави Бхавнани и Цзе-Синь Чен	Голосующие намерения в Африке: этнические, экономические или партийные?	Содружество и сравнительная политика, 50: 1, 27–52.	IV 58	
2012 Тим Келсолл	Неопатримониализм, погоня за рентой и развитие: идти по течению?	Новая политическая экономия, 17:5, 677–82.	II	29
2012 Кэрин Пайффер и Пьер Энглебер	Экстраверсия, уязвимость перед донорами и политическая либерализация в Африке	Дела Африки, 111:444, 355–78.	я	6
2012 Рэйчел Битти Ридл	Трансформация политики, динамичная религия: политическое влияние религии в современной Африке	Обзор африканских конфликтов и миростроительства, 2:2, 29–50.	III	38
2012 Скотт Штраус	Войны кончаются! Изменение моделей политического насилия в странах Африки к югу от Сахары	Дела Африки, 111:443, 179–201.	III	48
2013 Леонардо Р. Арриола	Капитал и оппозиция в Африке: создание коалиций в полиэтнических обществах	Мировая политика, 65: 2, 233–72.	IV	57
2013 Гретхен Бауэр и Дженни Э. Бернет	Гендерные квоты, демократия и представительство женщин в Африке: некоторые идеи из демократической Ботсваны и авторитарной Руанды	Международный форум женских исследований, 41, 103–12.	IV	70
2013 Кэтрин Бун	Земельные режимы и структура политики: модели земельных конфликтов	Африка, 83:1, 188–203.	III	45
2013 Кэролайн Логан	Корни устойчивости: изучение народной поддержки традиционных африканских властей	Дела Африки, 112:448, 353–76.	II	22
2013 Благословение-Майлз Тенди	Идеология, гражданская власть и зимбабвийские вооруженные силы	Журнал южноафриканских исследований, 39: 4, 829–43.	IV	55
2014 Кристина Бодеа и Адриенн ЛеБас	Истоки добровольного соблюдения: отношение к налогообложению в городах Нигерии	Британский журнал политических наук, 46: 1, 1–24.	II	33

XXXVIII

ВВЕДЕНИЕ В АФРИКАНСКИЙ ПОЛИТИКА И ТОМ I

Ник Чизман

Изучение Африки и африканистика

Африканская политика — динамичная и процветающая дисциплина. Каждый год все больше университетов открывают курсы бакалавриата и магистратуры по африканистике, а количество журналов, освещающих континент, значительно увеличилось за последнее десятилетие. повторное введение многопартийных выборов в начале 1990-х дало дисциплине столь необходимый стимул. По этим и другим причинам Африка сейчас чаще фигурирует в ведущих мировых сравнительных журналах, чем в 1980-х годах. Народный и студенческий интерес к Африке также чрезвычайно высок. В моем учебном заведении, Оксфордском университете, каждый день недели проводятся семинары или лекции об Африке. Эти тенденции, вероятно, сохранятся, поскольку устойчивый экономический рост и растущий средний класс стимулируют расширение университетского сектора в самой Африке. Таким образом, это подходящий момент для сборника основных работ, чтобы собрать воедино часть ключевой литературы, которая помогла нам понять африканскую политику и факторы, которые, вероятно, будут определять будущее континента.

Качество и количество исследований, которые в настоящее время проводятся по Африке, означает, что составление сборника наиболее важных статей, опубликованных за последнее десятилетие или около того, является далеко не простой задачей. Я сократил первоначальный список примерно из 300 статей за несколько болезненных месяцев и был вынужден исключить многие ценные и формирующие тексты, которые повлияли на мое собственное мышление. Отбирая статьи для этих четырех томов, я пытался найти правильный баланс между часто цитируемой литературой, которая уже сформировала область, и новыми статьями, которые, вероятно, окажут влияние в ближайшие годы. Я также стремился включить части, которые предлагают ряд различных точек зрения и методологий. Более подробное обсуждение критериев отбора, которые я использовал, и некоторые наиболее важные работы, которые не удалось включить, приведены в конце этой главы. Хотя каждый сборник неизбежно отражает интересы и приоритеты его редактора, я считаю, что все включенные в него статьи должны быть обязательны к прочтению тем, кто хочет понять африканскую политику.

Чтобы осветить ключевые темы, с которыми столкнулась дисциплина, этот сборник основных работ построен вокруг четырех ключевых парадоксов, которые оживляли исследования африканской политики за последние семьдесят лет. Том I, посвященный международным отношениям Африки, касается первого из них: несмотря на обеспечение политической независимости в 1950-х и 1960-х годах, многие африканские государства по-прежнему зависят от иностранных правительств, что ставит под вопрос ценность и значение их суверенитета. Это явное противоречие подняло ряд важных вопросов, на которые исследователи потратили большую часть 1960-х и 1970-х годов, пытаясь найти ответ. Была ли независимость не более чем актом политического театра? В какой степени иностранные правительства и компании могут контролировать события на местах в Африке? И как африканские лидеры стремились использовать свои международные связи для укрепления своих позиций внутри страны — может ли хвост вилять собакой? Хотя некоторые из этих вопросов устарели, они имеют важное значение для современности: например, вопросы, которые ранее задавались об отношениях Африки с Бельгией, Францией и Соединенным Королевством, теперь задаются в связи с взаимодействием континента с Бразилией, Китаем и Индией.

Второй том этого сборника, посвященный развитию африканского государства, мотивирован вторым парадоксом: африканских лидеров часто изображают глубоко авторитарными и репрессивными, но они обладают лишь ограниченным контролем над своими территориями. Как авторитарные стратегии могут быть эффективными в условиях слабости государства? Эта головоломка предлагает набор вопросов для дальнейших исследований, которые вдохновляли ученых на протяжении восьми десятилетий. Почему африканские лидеры не сделали больше для усиления контроля над своим населением и территорией? Если африканские государства так слабы, то почему их границы в основном остались нетронутыми? Более того, если африканские лидеры пользуются таким ограниченным принудительным контролем, почему некоторые из их правительств существуют десятилетиями? Или, другими словами, если формальный аппарат государства (полиция, законодательные и судебные органы) недостаточен для поддержания закона и порядка, почему эти общества не скатываются к анархии? Вопрос о том, откуда берется порядок, если он не обеспечивается государством, по-прежнему имеет жизненно важное значение, поскольку он касается основ политической стабильности и легитимности на континенте, а также того социального договора, который существует между правительствами и их народами.

Третий том отходит от государства и рассматривает политические движения, действовавшие в нем. Интересный парадокс здесь заключается в том, что наиболее эффективные попытки массовой мобилизации на континенте, как правило, предпринимались под видом объединяющих призывов к национализму, и тем не менее африканские нации сейчас наиболее известны своими внутренними разногласиями. За некоторыми заметными исключениями (вспомните Нельсона Манделу), именно конфликт и гражданская война, а не межобщинная гармония, доминировали в заголовках новостей в течение последних семидесяти лет. Напряжение между национализмом и субнациональными идентичностями, такими как этническая принадлежность, было постоянным источником новаторских исследований. Острые дебаты разгорел

почему этническая принадлежность стала столь важной с политической точки зрения в Африке и растет ли ее влияние с течением времени. Эти дебаты по-прежнему имеют более широкое значение, потому что они имеют реальные последствия для возможности построения различных видов политических систем в Африке. Некоторые утверждали, например, что вызывающее разногласия влияние этнической идентичности означает, что нельзя ожидать, что демократия будет работать на континенте², или, по крайней мере, не без значительных изменений, отражающих африканские реалии³. Но этот конкретный спор далек от окончено: по этой теме, как и по многим другим, нам еще предстоит консенсус.

Четвертый том подхватывает эстафету, заложенную в третьем, и смещает наше внимание на продолжающуюся напряженность между авторитарным правлением и демократическим правительством. В 1980-х годах почти вся Африка находилась под властью однопартийных государств, военных режимов или личных диктатур⁴. К концу 1990-х почти каждая страна Африки вновь ввела многопартийные выборы в той или иной форме⁵. Гана добилась реального демократического прогресса, в других случаях проведенные реформы выглядели впечатляюще только издали. В Камеруне и Чаде, например, выборы были проведены, но политическое игровое поле было настолько склонено в пользу правительства, что результаты были предreshены⁶.

В отсутствие независимой избирательной комиссии, судебной системы и полиции многопартийная политика часто оказывалась гораздо менее преобразующей, чем первоначально надеялись лидеры оппозиции. Это последний из четырех великих парадоксов африканской политики: на континенте проводится больше выборов, чем когда-либо прежде, однако в период 2010–2015 годов качество демократии фактически ухудшилось. По данным Freedom House, американского аналитического центра, который оценивает уровень политических прав и гражданских свобод во всем мире, «все семь категорий политических прав и гражданских свобод ухудшились за последние пять лет, при этом наибольшее снижение свободы слова». и ассоциации». Большая часть текущих исследований африканской политики направлена на то, чтобы объяснить, почему одни страны стали более демократичными, чем другие, как многопартийные выборы могут на самом деле укрепить позиции действующих политических лидеров и движется ли континент к демократической консолидации или авторитарная реверсия. Многие из ключевых вкладов в эту дискуссию включены в том IV.

Оставшаяся часть этой главы знакомит с изучением африканской политики, рассматривая то, что делает ее отличительной, прежде чем исследовать четыре парадокса, кратко изложенные выше, более подробно. Поскольку у каждого тома есть свое предисловие, я посвящаю здесь большую часть места обсуждению темы первого тома «Африка и мир». При этом я утверждаю, что глубокое осознание международной Национальные отношения имеют решающее значение для понимания других аспектов африканской политики. В самом деле, международные отношения в Африке не случайно выбраны в качестве темы первого тома: некоторые темы, затронутые в первом томе, проходят через остальные три тома. Например, дебаты о слабости африканского государства неизбежно должны затрагивать влияние высокоцентрализованного

и экстрактивные бюрократические структуры, созданные в колониальный период, даже если кто-то хочет утверждать, что влияние колониального правления было преувеличено.

Точно так же дискуссии о появлении «трайбализма»⁸ будут неполными, если они не будут касаться вызывающего разногласия воздействия колониального господства на африканские общества.

Более широкое значение взаимосвязанного характера этих дебатов заключается в том, что всестороннее понимание Африки требует изучения каждого из томов, включенных в эту серию основных трудов. В свою очередь, чтобы получить максимальную отдачу от каждого обсуждения, нужно начинать с самого начала и продвигаться к концу. Хотя каждую статью, конечно, можно читать как отдельный вклад, тома были специально организованы так, чтобы отражать эволюцию самой дискуссии, так что последующие статьи основываются на более ранних и реагируют на них. Как прекрасно понимают все исследователи, пытавшиеся разобраться с этими вопросами, коротких путей к знаниям не существует.

Что такое «африканское» в африканистике?

Есть три особенности изучения африканской политики, которые выделяют его по сравнению с литературой о политике других регионов. Во-первых, африканская политика — одна из самых ярких и быстро меняющихся дисциплин в социальных науках. Как и во всех литературных источниках, исследования на континенте внимательно отслеживали события на местах, и немногие части мира претерпели более быстрые изменения, чем Африка. охватить такой широкий круг тем и вопросов за такой короткий период времени. В течение шестидесяти лет эта дисциплина перешла от своего раннего внимания к национализму и независимости к изучению переворотов, гражданских войн и военных правительств, и — после десятилетия интенсивных дебатов о том, нуждается ли африканская экономика в «структурной перестройке». — недавно был вновь переориентирован на изучение выборов и многопартийной политики.

Конечно, были и преемственности. Определенные темы проходили через эти разные эпохи, настолько они были центральными в том, как понимается Африка. Эти темы включают использование и злоупотребление общинной идентичностью, важность земли для политического и экономического развития, добычу экономических ресурсов, трудности обеспечения экономического роста и демократии в бедных и разделенных обществах, а также сохранение «традиционных» форм лидерства, поддерживаемого высокоперсонализированными и неформальными сетями — явление, известное как «неопатримониализм» (см. Том II). Другим постоянно присутствующим был важный и продолжающийся спор о том, следует ли при объяснении исторических и политических процессов в Африке уделять больше внимания деятельности африканских народов или структурам, в которых они действуют. На протяжении последних шестидесяти лет этот вопрос задавался в связи с целым рядом различных тем, в первую очередь касающихся международных отношений на континенте. Как мы увидим позже, исследователи неоднократно задавались вопросом, свободны ли африканские правительства

определять свою судьбу, или если их будущее определяется для них структурой международной политической экономии.

Однако даже эти всеобъемлющие темы приходилось постоянно перерабатывать, чтобы учитывать меняющиеся реалии на местах. Дискуссии о структуре и агентстве эволюционировали от их первоначального внимания к колониальному правлению к рассмотрению «неоколониализма», влияния холодной войны, роли Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка в продвижении структурной перестройки и, совсем недавно, подъем Китая. Точно так же неопатримониальная структура, через которую так часто понимают континент, в настоящее время адаптируется для учета растущего значения формальных политических институтов во многих частях континента.¹⁰ Больше невозможно утверждать, что клиентелизм а персонализированная политика делает невозможным появление эффективных политических институтов. Скорее вопрос, на который мы должны сейчас ответить, состоит в том, почему институты постепенно освобождаются от патримониальных забот в одних странах, но не в других.

Эта изменчивость оказала глубокое влияние на африканистскую литературу и тех, кто ее создает. Быстрые перемены в судьбе континента потребовали от исследователей, желающих идти в ногу со временем, интеллектуальной гибкости. Эта тенденция еще больше усугублялась относительно небольшим числом африканцев, преподающих в университетах, а это означало, что большинству ученых приходилось руководить и преподавать по множеству различных тем с ограниченными возможностями специализации. Таким образом, если вы встретите африканиста, защитившего докторскую диссертацию в 1970-х годах, более вероятно, что он будет иметь хотя бы практическое знание литературы по колониальному правлению, национализму, теории зависимости, однопартийным государствам, военному правлению, неопатримониализм, структурная перестройка, этническая политика, режим международной помощи, политическая мобилизация и демократизация. Возможно, было бы немного преувеличением сказать, что быть африканистом значит быть универсалом, но не слишком.

Второй фактор, который помогает сделать исследования африканской политики своеобразными, — это методы, с помощью которых изучается континент. Ограниченность данных, доступных исследователям, потребовала другого рода интеллектуальной гибкости. До относительно недавнего времени информация по целому ряду ключевых вопросов — от количества людей, проживающих в стране, до уровня занятости и стоимости ее экспорта — была труднодоступной и сомнительного качества. Это означало, что, как правило, было сложно, а во многих случаях невозможно провести количественный анализ, который стал обычным явлением в Великобритании и США в 1970-х и 1980-х годах. Авторитарные правительства редко собирали соответствующие политические и экономические данные, а если и собирали, то часто подтасовывали их для партийных целей.¹¹ В то же время отсутствие свободных и честных выборов и надежных опросов общественного мнения затрудняло измерение общественного мнения. Это сформировало как темы, которые могли изучать африканисты, так и то, как они могли их изучать. Совершенно очевидно, что те, кто исследовал континент, должны были делать это с близкого расстояния: если вам

аргумент, который вам чаще всего приходилось собирать самостоятельно. Одним из следствий этого является то, что африканисты, как правило, тратят много времени на работу на местах, проводя интервью, собирая тематические исследования, занимаясь изучением политики снизу. Вероятно, было бы немного преувеличением сказать, что быть хорошим африканцем в 1980-х годах означало быть хорошим полевым работником, но опять же, не намного.

То, как развивалась дисциплина африканской политики, также было сформировано поздним появлением на сцене политологов. В Африке антропологи, в некоторых случаях в сотрудничестве с колониальными режимами, начали изучать Африку за десятилетия до того, как континент стал предметом серьезного изучения политических аналитиков. прерогатива научного лингвиста или социального антрополога; лишь недавно к его проблемам проявили активный интерес американские социологи, экономисты и политологи». Это означало, что ранние отчеты об африканской политике, как правило, опирались на предшествующие антропологические и исторические исследования политических явлений. более антропологически и исторически обусловлены, чем политическая наука, скажем, Великобритании или США.

Эта интеллектуальная гибкость и текучесть породили интересное, а иногда и продуктивное напряжение. С одной стороны, те, кто изучает африканскую политику, часто хорошо осведомлены о достоинствах ряда различных методологических подходов в социальных и гуманитарных науках, а также о ряде различных теоретических линз. С другой стороны, африканисты настолько осознают, что страны, которые они изучают, имеют отличительную историю, экономику и политические системы, что часто не решаются сделать выводы из одного случая или предположить, что модели, разработанные для объяснения политики в Европе или Северной Америке можно использовать для объяснения событий на континенте. Это напряжение имело два важных последствия. Во-первых, африканистов, как правило, труднее убедить в обоснованности и полезности широких междисциплинарных сравнений. В целом, теоретически богатые тематические исследования являются более распространенными и менее противоречивыми.¹⁴ Во-вторых, многие исследователи-африканисты по-прежнему сопротивляются современным методам политической науки, таким как опросы и количественный анализ больших п, основанный на ранее существовавших наборах данных,¹⁵ которые не требуют обширной полевой работы. Следовательно, в более широком сообществе африканистов есть значительные группы, которые с подозрением относятся к недавней тенденции к количественной оценке в американской и, в меньшей степени, в британской академии. Действительно, изучение Африки в континентальной Европе и в самой Африке редко предполагает количественный анализ, который быстро становится

Однако такое сопротивление не означает, что дисциплина невосприимчива к глубоким методологическим изменениям. За последнее десятилетие изучение африканской политики претерпело кардинальные изменения в результате появления новых источников информации. В свою очередь, большая доступность данных

было обусловлено четырьмя событиями, которые стоит кратко рассмотреть здесь, потому что они будут продолжать оказывать глубокое влияние на то, как изучается африканская политика в течение следующих двадцати лет, позволяя задавать новые вопросы и одновременно порождая новые споры. Во-первых, постепенное улучшение сбора данных правительствами африканских стран¹⁶.

международные финансовые институты и НПО означают, что становится все более возможным создавать большие наборы политических и экономических данных. В свою очередь, это побудило к крупномасштабному анализу таких тем, как факторы, способствующие и замедляющие экономический рост и демократическое правление, хотя качество большей части этих данных остается под вопросом¹⁷.

Во-вторых, доступность данных об общественном мнении резко увеличилась благодаря созданию Афробарометра в 1999 году исследователями из Мичиганского государственного университета, Института демократии в Южной Африке (Идаса) и Центра демократического развития (ЦДД) в Гане. 18

С тех пор команда Афробарометра провела «серию национальных опросов общественного мнения о демократии и управлении в Африке под руководством африканских стран», проводя регулярные опросы по всему континенту¹⁹. верования и мнения растущего числа африканских обществ, в некоторых случаях впервые²⁰.

Кроме того, с открытием нового веб-сайта, который позволяет посетителям проводить анализ данных опросов в режиме онлайн и без сложного программного обеспечения, Афробарометр привнес анализ общественного мнения в дома и офисы исследователей, политиков и журналистов таким образом, чтобы были немислимы всего десять лет назад.

В-третьих, создание Афробарометра совпало с большей готовностью и способностью африканистов, особенно тех, кто прошел обучение в Соединенных Штатах, привлекать средства от крупных исследовательских организаций для поддержки сбора новых данных на континенте. Распространению амбициозных отдельных исследований, проводимых как признанными профессорами, так и докторантами, способствовало расширение компаний, занимающихся исследованиями рынка, которые имеют инфраструктуру, необходимую для проведения массовых опросов общественного мнения за определенную плату. Другие источники данных также стали более распространенными, отчасти в результате построения глобальных наборов данных, которые в настоящее время с большей вероятностью будут содержать всесторонний охват Африки, чем в прошлом. База данных «Меньшинства в опасности» (MAR), например, отслеживала и собирала информацию о статусе и конфликтах политически активных общинных групп во всех странах с населением не менее 500 000 человек. Точно так же набор данных «Национальные выборы в условиях демократии и автократии» (NELDA), недавно собранный Съюзан Хайд и Николаем Мариновым из Йельского университета, содержит ряд ценных сведений об управлении и качестве выборов во всех независимых государствах.²¹ Включение африканских случаев в глобальные наборы данных, такие как MAR и NELDA, оказали двойное влияние. С одной стороны, это позволило африканистам провести количественные исследования по новому кругу тем. С другой стороны, это облегчило интеграцию Африки в изучение ср

Наконец, стоит также отметить более недавнюю и противоречивую тенденцию: все более широкое использование континента в качестве лаборатории для проведения экспериментальных исследований. За последнее десятилетие значительно увеличилось число ученых, проводящих рандомизированные контролируемые испытания (РКИ)²² для проверки воздействия и эффективности определенных «вмешательств». В области науки и здравоохранения РКИ могут использоваться для определения преимуществ и побочных эффектов конкретного препарата. В социальных науках их можно использовать для оценки воздействия политики международных доноров, стремящихся содействовать развитию и демократии в Африке. В этом контексте РКИ можно использовать для оценки усилий по повышению подотчетности путем создания «оценочных карточек», в которых суммируются результаты деятельности депутатов, или распространения футболок и видео с антикоррупционными сообщениями во время избирательной кампании. Параллельно с этой тенденцией растет использование «лабораторных» методов, когда исследователи просят участников играть в игры, предназначенные для отражения политических процессов реального мира в контролируемой обстановке.²³ В обоих случаях привлекательность этих новых Методы для африканистских политологов заключались в идее использования более «научного» способа анализа, отражающего человеческое принуждение к поиску недостижимой степени уверенности и точности, которое так эффективно подчеркивалось Витгенштейном²⁴.

Появление новых данных и новых методов их анализа стало положительным моментом, который способствовал развитию африканистики и придал ей более заметную роль в мировой науке. В 1970-х и 1980-х годах политическая наука в Соединенных Штатах совершила количественный поворот, опираясь на экономические модели для разработки более измеримых и проверяемых исследовательских вопросов. Хотя многие качественные исследователи сопротивлялись этой тенденции, вскоре она распространилась на Великобританию и другие страны. По мере того, как дисциплина становилась все более технической, ученые начали использовать сложное статистическое моделирование как для демонстрации своей технической компетентности, так и для того, чтобы сделать оригинальный теоретический вывод. Таким образом, журналы с самым высоким рейтингом во всем мире, такие как «Американское политическое научное обозрение», начали публиковать все больше количественных материалов. Одним из последствий этого стало то, что стало труднее публиковать статьи об Африке на этих форумах, потому что просто не было данных для использования тех же методов. В результате африканистская литература, как правило, публиковалась в африканистских журналах, и ко Например, африканские чтения редко занимали видное место в основных списках для чтения по основным предметам политологии.

Эта картина резко изменилась за последнее десятилетие. Новые данные и принятие новых подходов позволили африканистам проводить количественные исследования, которые с большей вероятностью будут опубликованы в ведущих сравнительных журналах. Действительно, такие исследователи, как Даниэль Познер (Том III, гл. 40) и Эдвард Мигель (Том III, гл. 42), были настолько новаторскими в своих исследованиях этнической идентичности, что теперь их считают мировыми лидерами в этой области. В результате литература об этнической принадлежности в Африке начала

повлиять на то, как общинные идентичности изучаются в других местах, что может быть только хорошей новостью.²⁵

Однако эти разработки также породили напряженность между теми, кто полностью согласен с экспериментальными и количественными подходами, и теми, кто по-прежнему скептически относится к их эффективности. Между этими двумя группами нет простых разделительных линий, но первая, как правило, включает тех, кто обучен более количественным подходам, что означает исследователей с опытом работы в области экономики или развития, и тех, кто прошел обучение в США. Напротив, в последнюю группу входит довольно много африканистов в Европе и Африке, а также значительное число американских исследователей, которые продолжают производить высококлассные качественные работы. Причины такого скептицизма сложны.

Многие качественные исследователи по-прежнему не убеждены в том, что имеющиеся в настоящее время данные и методы достаточно чувствительны, чтобы отразить африканские реалии. Отчасти это связано с тем, что исследователи с гораздо меньшей вероятностью проходят тщательную подготовку по количественным и экспериментальным методам за пределами США, и поэтому им трудно полностью понять эти подходы и шаги, предпринимаемые для их проверки. В то же время недоверие к количественным подходам отражает обоснованные опасения по поводу качества экономических данных, предоставляемых правительством, и надежности данных опросов в авторитарных государствах. В таких условиях и чиновники, и граждане привыкли «раскрашивать» реальность, чтобы соответствовать тому имиджу, который хочет создать правительство.

Появление новых источников данных и методов исследования также вызвало споры среди некоторых ученых, которые обеспокоены тем, что Африка снова стала своего рода испытательным полигоном для Запада.²⁶ Это не помогает той части причины, по которой Африка так привлекательна для исследователей заключается в том, что это относительно недорогое исследовательское направление, где участники не ожидают большой компенсации в обмен на свое время. Тот факт, что многие рандомизированные контрольные испытания и экспериментальные исследовательские проекты финансируются подразделениями по продвижению демократии западных правительств, такими как Агентство США по международному развитию (USAID) и Министерство международного развития (DfID), только усиливает это ощущение. беспокойства.

Подчеркивая дискомфорт, испытываемый некоторыми исследователями при столкновении с этими новыми методами исследования, я не имею в виду оспаривать мотивы тех, кто проводит это исследование, или сомневаться в ценности операционализации методов, заимствованных из других дисциплин. В самом деле, важно отметить, что озабоченность направлением, в котором движется африканистика, связана не просто с методологическими, национальными или расовыми разногласиями: многие из тех, кто использует эти методы, признают эти проблемы²⁷, и некоторые из пионеров этих подходов используют африканские ученые.²⁸ В интересах полного раскрытия информации, возможно, стоит отметить, что, хотя мои собственные исследования в основном носят качественный характер, я также проводил как опросы, так и «лабораторные игры» в таких странах, как Гана, Кения, Уганда и Нигерия. Я применяю ряд подходов, потому что понимание любого сложного явления требует использования разнообразных исследовательских стратегий, чтобы обеспечить ряд взаимодополняющих точек зрения. Учитывая это, есть

должно быть пространство как для качественных, так и для количественных подходов в изучении Африки. Скорее, я подчеркиваю эту напряженность, чтобы продемонстрировать, что дебаты о том, как изучать Африку, очень живы. Я также думаю, что полезно подумать о том, как эти разногласия косвенно формируются колониальным наследием и сохраняющимся глобальным неравенством, потому что и здесь международные отношения на континенте имеют большое значение.

Чтобы увидеть это, мы должны обратить внимание на изучение континента внутри самой Африки. Одним из последствий отсутствия инвестиций в общественные службы со стороны как колониальных правительств, так и их постколониальных коллег стало хроническое недофинансирование образования и академических исследований. Африка. Конечно, есть важные исключения. Во многих африканских государствах есть ученые, работающие над важными работами, имеющими международный резонанс, о чем свидетельствуют некоторые работы в этой серии. Но в целом большой размер классов, низкая заработная плата, обветшавшие библиотеки и отсутствие средств на проезд создали серьезные барьеры для исследований, которые, как правило, отнимают много времени и ресурсов. Именно глобальное неравенство, подразумеваемое этой ситуацией, побудило Амину Мама задать вопрос: «Этично ли изучать Африку»?³⁰

Способность некоторых африканских ученых получить работу в США и, в меньшей степени, в Европе несколько смягчила эту проблему, но за счет отстранения некоторых из самых влиятельных и талантливых мыслителей Африки от ее университетов. В статье, которая будет опубликована в журнале *African Affairs*, Скотт Уэзерс и Райан Биггс демонстрируют, что число статей, опубликованных в *African Affairs* и *Journal of Modern African Studies* авторами из африканских учреждений, за последнее десятилетие сократилось, несмотря на все усилия эти журналы для популяризации африканских исследований.³¹ Учитывая это, необходимо сделать гораздо больше, чтобы те, кто живет в Африке, имели такие же возможности для изучения континента, как и те, кто живет за ее пределами. Несмотря на все недавние разговоры о «восстании Африки», печальная реальность состоит в том, что если составить такой том, как этот, исключительно на основе количества цитирований статей, то будет слишком мало статей, написанных африканскими учеными. В этом смысле одной из отличительных особенностей изучения африканской политики является то, насколько «неафриканской» она часто бывает на са

Эта реальность определяет то, как дисциплина отреагировала на появление новых методов исследования. Уровень беспокойства по поводу того, что западные ученые относятся к континенту как к своей исследовательской лаборатории, был бы значительно ниже, если бы, например, больше африканских ученых проводили аналогичные эксперименты в Европе и США. Более того, использование квазинаучных и экспериментальных методов донорами и исследователями, базирующимися на глобальном севере, было бы проще для академического сообщества, если бы большая часть знаний об Африке была написана самими африканцами и для них. Таким образом, хотим ли мы понять африканскую политику или дебаты о том, как развивается изучение африканской политики, мы должны начать с рассмотрения международных отношений Африки.

Африка и мир

Эта серия «Основных работ» начинается не с отношений Африки с миром, потому что история Африки началась с приходом белого человека, или потому, что до вторжения колониального правления в Африке не было государств, или потому, что Запад принес демократию на континент в начале 1990-х годов.³²

Хотя все эти позиции придерживались некоторые исследователи на протяжении многих лет, все они оказались ложными — результат тенденции недооценивать африканскую свободу действий и переоценивать власть европейских и американских правительств. Например, верно то, что многие африканские народы жили относительно «безгосударственной» жизнью в 1800-х годах, но на континенте также существовали некоторые крупные и амбициозные политические системы с устоявшейся бюрократией и четким пониманием территориальной ответственности, такие как империя Ашанти и Сокотский халифат.³³ Многие из того, что мы знаем об этих государствах, мы узнали, слушая устную историю и оценивая множество способов раскрыть историю богатого прошлого континента, несмотря на ограниченность письменных документов. И хотя усиление западной поддержки демократии на континенте после окончания «холодной войны» сыграло важную роль в содействии политическим переменам, именно внутренние силы определили ход перехода к многопартийной политике, поскольку противоположные судьбы демократической Ганы и авторитарная Уганда удачно демонстрируют это³⁴.

Таким образом, начиная с международных отношений Африки, никоим образом не предполагается привилегировать роль иностранных игроков. Скорее, я начну с рассмотрения Африки и мира, потому что эта тема, возможно, больше, чем любая другая, пронизывала дебаты об африканской политике за последние шестьдесят лет. В 1930-х и 1940-х годах работа над Африкой, как правило, была сосредоточена на структуре и эффективности колониального правления и его влиянии на африканские общества. К 1950-м и 1960-м годам количество людей, изучающих континент, резко возросло, и литература, естественно, стала обращаться к вопросам африканского национализма и антиколониальной борьбы. В конце 1960-х и 1970-х годах, после обретения независимости, акцент сместился на вопрос о том, была ли политическая независимость фикцией, поскольку она не всегда шла рука об руку с экономической независимостью. Писатели школ «зависимости» и «неоколониализма» указывали на то, как Европа «недоразвита» Африку³⁵, и утверждали, что периферийное положение континента в мире привело к его политическим и экономическим манипуляциям.

Во многих отношениях эти дебаты никуда не делись и продолжают формировать дискуссию о роли иностранных держав и глобальных институтов сегодня.

Колониальное наследие

Все три главы, с которых начинается первый том, отражают непрекращающиеся дискуссии о масштабах колониального наследия. Натан Нанн и Леонард Ванчекон

продемонстрировать длительное влияние одного из самых мрачных аспектов колониального правления, работорговли, показав, что общины, которые жили в непосредственной близости от путей рабства, по-прежнему менее доверчивы, чем те, которые были более изолированы от торговли (гл. 1). Махмуд Мамдани предоставляет еще одно свидетельство вызывающего разногласия наследия европейского вмешательства. В своей влиятельной книге «Гражданин и подданный» он утверждает, что одной из центральных черт колониального правления была преднамеренная попытка разделить колониальные общества на «граждан» — городских жителей, которым разрешено пользоваться «современной» правовой и судебной защитой, — и «подданных». ' — сельские жители, осужденные жить по обычному праву, в соответствии с которым права человека и экономические права человека часто не соблюдаются. Для Мамдани это было неоправданным разделением, поскольку оно обрекало большую часть континента на некую форму «децен- Долгосрочные последствия этой формы правления были глубокими: она способствовала возникновению непоследовательных правовых систем, которые часто не защищали права женщин и меньшинств, и преувеличивала различия между сообществами, поскольку каждое действовало в соответствии со своими «обычаями».

В главе, включенной в этот том (гл. 2), Мамдани опирается на этот аргумент, чтобы описать, каким образом колониальное правление «объединило меньшинство как обладающих правами граждан и раздробило большинство как множество этнических групп, движимых обычаями». Далее он утверждает, что создание континента меньшинств, многие из которых претендуют на определенную степень самоуправления и земли, является одной из самых больших проблем, стоящих перед континентом. Исходя из этого, Мамдани предполагает, что большая проблема, стоящая перед Африкой, заключается в том, как реагировать на укоренение и политизацию этнической идентичности. Одним из вариантов было бы позволить каждой этнической группе иметь свое собственное государство или традицию. Однако он опасается, что это «рискует усугубить проблему, поскольку число меньшинств будет расти, как и число этнически определяемых государств или местных властей». Вместо этого излюбленный подход Мамдани состоит в том, чтобы «переосмыслить институциональное наследие колониализма» и отвергнуть идею о том, что «мы должны определить политическую идентичность, политические права и политическую справедливость прежде всего в отношении коренного населения». Хотя это привлекательное предложение, кажется маловероятным, что такого рода интеллектуальные упражнения убедит политических лидеров, которые часто строят свою власть на основе стратегии «разделяй и властвуй», укрепляющей этнические разногласия, сменить курс. Другие потенциальные решения освещены в томе III.

Обширная литература о негативном влиянии колониального правления поднимает неизбежный вопрос о том, какая колониальная власть породила наиболее проблемное наследие. Ужасные злоупотребления, совершенные королем Леопольдом, в сочетании с последующей неспособностью бельгийского правительства подготовиться к независимости, явно обрекли Конго (теперь называемое Демократической Республикой Конго) на поражение³⁷. Тот факт, что за конголезской независимостью вскоре последовала Длительная гражданская война, которая впоследствии сменилась десятилетиями жестокого авторитарного правления, создала впечатление, что наследие бельгийского колониального правления было особенно ядовитым. Рекорд Португалии обычно считается

Ситуация не намного лучше: две крупнейшие португалоязычные территории скатились к затяжным и кровавым гражданским войнам, как только они обрели независимость.³⁸ Это оставляет каверзный вопрос, можно ли сказать, что британское или французское колониальное правление наносило ущерб перспективам на долгое время. термин политическая стабильность.

Хотя единого мнения по этому вопросу нет, некоторые исследователи обнаружили, что бывшие британские колонии имеют небольшое, но значительное демократическое преимущество по сравнению с их французскими или бельгийскими коллегами.³⁹ Однако Мэтью Ланге оспаривает этот вывод, утверждая, что различие между различными колониальными державами было преувеличено, и что действительно имеет значение стиль правления (гл. 3). Согласно Ланге, ключевое различие заключается не между британским и французским колониальным правлением, а между прямой и прямой формами власти. Основное различие между прямым и прямым правлением заключается в степени автономии, предоставляемой местным посредникам. Косвенное правление часто применялось в тех случаях, когда колониальным державам не хватало возможности управлять «напрямую», и поэтому они были вынуждены кооптировать региональных или религиозных лидеров.

При этом они часто предоставляли этим лицам значительную степень автономии, расширяя их права и возможности в этом процессе.⁴⁰ Согласно Ланге, там, где практиковалось не прямое правление, оно оставляло проблемное институциональное наследие, которое подрывало будущее государственное строительство, поскольку способствовало развитию альтернативных структур власти. которые позже сопротивлялись подчинению со стороны государства. Его аргумент получает дополнительную поддержку в собственном анализе Мамдани, который заключает, что:

Вместо того чтобы превратить колонизированных в расовую принадлежность большинства, именуемую «туземцами», как это было при прямом правлении девятнадцатого века, косвенное правление двадцатого века разделило это расизированное большинство на множество этнических меньшинств. Таким образом, было сказано, что в африканских колониях не было большинства, а были только меньшинства. Это основное колониальное наследие лежит в основе нашей дилеммы.

Суверенитет и экстраверсия

Дебаты о границах африканского суверенитета также продолжали вдохновлять новые научные работы, но постепенно ушли от первоначального внимания теоретиков зависимости к тому, как западные страны преднамеренно недоразвивают Африку, к более тонкому пониманию того, как Африканские правительства смогли использовать международную систему в своих интересах. Классическое изложение этой позиции было дано Жаном-Франсуа Баяром, который изменил позицию дискуссии, утверждая, что отношение Африки к миру представляет собой «историю экстраверсии» (гл. 5). Под «экстраверсией» Баярт имел в виду политическую культуру, которая часто искала идеи, торговых партнеров и тому подобное за пределами континента. Одним из аспектов такого расположения была готовность и способность африканских лидеров использовать свое взаимодействие с иностранными державами для получения помощи, займов и других форм поддержки, в которых они нуждались, чтобы удержаться на плаву.

в силе. Таким образом, перевернув общепринятые нарративы с ног на голову, Байарт сосредоточился в анализе не на том, как Запад манипулировал Африкой, а на том, как африканские лидеры смогли превратить эксплуатацию своей страны в свою собственную политическую деятельность. и экономическое преимущество.

Доказательства в пользу тезиса Баярта можно найти в работе Рэндалла Стоуна о политике кредитования МВФ (гл. 4), в которой делается вывод о том, что, несмотря на склонность комментаторов подчеркивать экономическую мощь Фонда, в действительности его «займы на реформы не вызывают доверия». Эта ситуация возникла из-за того, что «страны, пользующиеся влиянием среди покровителей из числа развитых стран... подлежат менее строгому правоприменению». Таким образом, африканские правительства часто могли использовать свои политические рычаги, чтобы получить свой пирог и съесть его, беря кредиты МВФ, откладывая наиболее болезненные аспекты пакетов корректировок, которые они должны были — по крайней мере, по контракту — осуществлять оптом.

Кэрин Пайффер и Пьер Энглебер вторят выводам Стоуна в отношении процесса демократизации, имевшего место с начала 1990-х годов (гл. 6). Анализируя данные за период 1989–2011 гг., они исследуют влияние «портфолио» международных отношений страны на готовность лидеров открыть свои политические системы в 1990-е гг. Опираясь на Баярта, они выдвигают гипотезу о том, что «чем больше зависимость портфеля от иностранных доноров или чем меньше контроль режима над вариантами в своем портфеле, тем более уязвимым он может быть для требований доноров о демократизации». В соответствии с проведенным Стоуном анализом МВФ, они «находят доказательства того, что различия в степени уязвимости портфелей экстраверсий африканских стран соответствуют различиям в степени их политической либерализации». Другими словами, правительства с более широким кругом связей с иностранными правительствами и меньшими экономическими долгами имеют больше возможностей противостоять давлению с целью проведения реформ. Общий посыл этих трех глав, таким образом, состоит в том, чтобы не недооценивать африканскую деятельность. Перефразируя Маркса, африканские лидеры оказались способными творить собственную историю, хотя и не всегда в условиях, выбранных ими самими.

Дебаты о влиянии иностранных займов и экономических советов тесно связаны с литературой по помощи и управлению. В обоих случаях ученые утверждали, что способность африканских лидеров получать международную помощь от иностранных партнеров побудила их игнорировать потребности своего собственного населения, с которым им не нужно взаимодействовать для получения доходов. В результате часто говорят, что экономические и политические стратегии африканских правительств в большей степени обязаны приоритетам их западных партнеров, чем приоритетам их собственного народа. столь необходимые демократические реформы можно отложить. Главы, представленные в Части 3, предлагают различные точки зрения на эту дискуссию. Отражая аргументы Баярта и открытия Стоуна, Тад Даннинг приходит к выводу, что во время холодной войны «геополитические цели доноров уменьшали доверие к угрозам поставить помощь в зависимость от проведения демократических реформ» (гл. 9).

Однако в какой-то степени это изменилось, когда распад Советского Союза и окончание «холодной войны» укрепили позиции западных доноров, что «повысило эффективность условий западной помощи». Используя данные за период с 1975 по 1997 год, Даннинг демонстрирует, что «небольшое положительное влияние иностранной помощи на демократию в странах Африки к югу от Сахары» полностью «ограничивается периодом после холодной войны».

Однако даже это условное утверждение о положительном влиянии иностранной помощи вызывает горячие споры. Дебора Бротигам и Стивен Кнак используют данные из Международного руководства по страновым рискам, чтобы доказать, что во многих случаях более высокие уровни помощи на самом деле коррелируют с ухудшением качества управления (гл. 7). Они также обнаруживают тесную связь между странами, которые получают большие объемы помощи, и странами, в которых налоги составляют небольшую долю валового внутреннего продукта (ВВП), что предполагает, что лидеры используют деньги помощи для замены налогообложения. Явный вывод из анализа Бротигама и Нэка состоит в том, что доступность иностранной помощи лишила африканские правительства стимулов к построению более устойчивой экономики. Они также обнаружили, что воздействие международной помощи варьируется в зависимости от характера государства-получателя и что «помощь с большей вероятностью окажет ожидаемое воздействие там, где управление и политика обеспечивают прочную основу для развития». Это один из наиболее положительных аспектов их выводов, но вывод вызывает беспокойство, а именно то, что помощь наименее эффективна там, где в ней больше всего нужд.

Конечно, международная система помощи и кредита не оставалась неизменной с течением времени. В 1980-х годах МВФ и Всемирный банк пришли к твердому убеждению, что главной проблемой африканской экономики является африканская политика. Они пришли к выводу, что государство коррумпировано и неэффективно, а потому подрывает экономический рост⁴². В результате кредиты Всемирного банка были поставлены в зависимость от структурной перестройки экономики африканских стран. В частности, лидерам было сказано уменьшить размер своих государств и уровень своего вмешательства в экономику. Хотя политические соображения часто позволяли африканским лидерам обходить некоторые из этих условий, как мы видели, общее воздействие этой политики заключалось в сокращении государственных расходов на такие ключевые области, как здравоохранение и образование. Однако широко распространенная критика в отношении того, что программы Фонда и Банка ввергли миллионы африканцев в нищету, не способствуя экономическому росту, а также предположения о том, что навязывание таких схем ущемляет суверенитет Африки, заставили МВФ и Банк переосмыслить их подход.⁴³

С середины 1990-х годов основные доноры и финансовые учреждения начали говорить о партнерстве, а не об условиях, и подчеркивали необходимость местной «собственности». Вместо чрезвычайно непопулярных программ структурной перестройки (ППС) Банк ввел гораздо более остроумно названные «Стратегические документы по сокращению бедности» (ДССБ). Однако многие комментаторы увидели в этом старое вино в новых мехах — акт театра, призванный создать впечатление перемен, когда на самом деле все осталось по-прежнему. Линдси Уитфилд, например, обнаружила, что в Гане процесс формулирования ПРСП

был не более совместным или инклюзивным, чем процесс разработки предшествовавших им СПД.44

Критика современной системы помощи Ритой Абрахамсен использует другой подход (гл. 8). Опираясь на «анализ государственного управления в современных либеральных обществах», она предполагает, что «партнерства в целях развития можно рассматривать как форму продвинутого либерального правления, которое все больше управляет за счет явной приверженности самоуправлению и деятельности принимающих государств». Абрахамсен из всех сил старается указать, что ее анализ не следует интерпретировать как предполагающий, что партнерские отношения являются инклюзивными или эгалитарными. Скорее, она утверждает, что «как форма передовой либеральной власти партнерство работает не в первую очередь как прямое господство и навязывание, а через обещания инкорпорации и включения». На этом основании она предполагает, что старые модели «господства» слишком грубы, чтобы уловить эту динамику, потому что «власть партнерских отношений является добровольной и принудительной одновременно, порождая как новые формы действия, так и новые формы дисциплины». Тенденция литературы сосредотачиваться на маргинализации Африки в рамках международных финансовых институтов, таким образом, упускает из виду тот факт, что современные партнерства «черпают свою силу за счет одновременного исключения и включения». В самом деле, они тем более эффективны именно потому, что, устанавливая «партнерства», международные институты способны создавать «самодисциплинированных граждан и государства, привлекая их в качестве ответственных агентов своего собственного развития». Эта модель международного взаимодействия привлекательна для западных правительств именно потому, что она обещает быть саморегулируемой.

Африканская диаспора и рост денежных переводов

Иностранная помощь является лишь одним из важных международных финансовых потоков, которые получают африканские государства. Действительно, во многих странах денежные переводы, отправленные домой членами диаспоры, проживающей за границей, стоят больше, чем помощь. В свою очередь, растущее значение денежных переводов способствовало возобновлению дебатов о важности африканской диаспоры, которая играет все более важную роль в таких областях, как финансирование выборов, а также финансирование пропаганды, а в некоторых случаях разрешение – гражданского конфликта. Рост исследований диаспоры был важным событием, потому что, как указывают Джэйлс Мохан и Альфред Б. Зак-Уильямс (гл. 10), африканские исследования и исследования развития склонны недооценивать значение африканской диаспоры. Вопреки этому пренебрежению они утверждают, что «как в политическом, так и в экономическом плане диаспора играет важную роль в современных социальных процессах, происходящих во все более глобальном масштабе». Эти воздействия включают непостоянную и сложную роль денежных переводов, которую, по их мнению, следует понимать в контексте социальных сетей, в которые они встроены. Ведь денежные переводы — это переводы не государству и даже не обществу, а конкретным лицам, которые могут выбирать, как использовать средства.

Огромная сумма денег, переводимая в Африку диаспорой, поднимает вопрос о том, могут ли денежные переводы играть ту же роль, что и иностранная помощь, что лишает правительства стимулов к инвестированию в общественные услуги и разумную экономическую политику. Тот факт, что, в отличие от помощи, денежные переводы поступают непосредственно отдельным лицам, а не центральному правительству, означает, что связь между привлеченными извне средствами и деятельностью правительства менее очевидна⁴⁵. Однако Эбенезер Обададе и Вале Адебанви утверждают, что такая связь существует (гл. 11), указывая на то, что если граждане могут полагаться на внешние средства для своего повседневного выживания, они могут меньше требовать от правительства, а если они меньше требуют от правительства, им может быть труднее заключить эффективный общественный договор. Поэтому они приходят к выводу, что в странах, «где значительная часть населения полагается на внешние гранты для повседневного обеспечения, вопросы о возможных последствиях их зависимости от гражданской активности, социальной гражданственности и политической лояльности становятся императивными». Они полагают, что разветвления этой точки зрения простираются далеко и широко. На карту поставлено не просто то, обращаются ли граждане за услугами к правительству, а то, подрывает ли их зависимость от денежных переводов какое-либо чувство долга перед государством и, таким образом, разъедает саму ткань более широкой политической системы.

Репортажи о африканских денежных переводах в западных СМИ, как правило, создают впечатление, что африканская диаспора живет почти исключительно в Северной Америке и Европе. Конечно, это не так, и сложность диаспоры раскрывает Пол Зелеза (гл. 12), который тщательно выделяет «по крайней мере три группы африканских диаспор: трансиндийские диаспоры, транссредиземноморские диаспоры» и трансатлантических диаспор». Это важное различие, потому что каждая из «этих диаспор имеет свою историю, и у них есть сходства, различия и параллели». Хотя концептуально и эмпирически разделить эти группы сложно, Зелеза убедительно доказывает, что это необходимо, поскольку каждая из них по-разному связывает Африку с остальным миром, что приводит к обмену различными идеями и ресурсами, которые, в свою очередь, оказывают особое влияние на континент. . Понимание того, как будут развиваться международные сети Африки, требует от нас серьезного отношения к этим различиям.

Новые международные отношения Африки

Одна из больших ироний африканистики состоит в том, что, несмотря на очевидную значимость ее отношений с остальным миром, Африка, как правило, занимает очень низкое место в приоритетах ученых-международников (МО). По словам Скарлетт Корнелиссен, Фанту Черу и Тимоти М. Шоу, «Африка, как правило, недостаточно представлена в основных научных исследованиях в области международных отношений, исходящих из североатлантического мира, и по большей части не участвует в теоретических дебатах, которые вдохновили эту науку»⁴⁶. В то же время В то же время немногие африканисты рассматривают свое исследование континента через призму инфракрасного излучения, т. е. е. ту, которая опирается на теории, разработанные для объяснения взаимодействия между государствами на

наднациональный уровень. Как писал Карл Дез, «африканисты скептически относились к аналитической и объяснительной полезности концепций и структур, связанных с международными отношениями или международными исследованиями, вместо этого утверждая специфику и своеобразие местных обществ и местных мировоззрений». К счастью, произошли два события, способствовавшие неуклонному повышению внимания к международным отношениям Африки за последнее десятилетие. Во-первых, это растущее значение Африканского союза, пришедшего на смену Организации африканского единства (ОАЕ) в 2002 г., и его вновь обретенная готовность дисциплинировать государства-члены, когда избранные лидеры смещаются неконституционным путем⁴⁸. возрождение таких акторов, как Бразилия, Китай, Индия и Турция, в качестве основных игроков на континенте.

В части 5 Томас Квази Тиеку объясняет движущую силу формирования Африканского союза (гл. 13). При этом он делает важный вывод о том, что само существование этого органа отражает продолжающееся притяжение panaфриканизма и ощущение, что континент может реализовать свой потенциал только в том случае, если он отстаивает свое единство и суверенитет перед лицом иностранного вмешательства.⁴⁹ Однако Тиеку также подчеркивает многочисленные противоречия, которые делают единство Африки столь недостижимой целью, в частности, недоверие между конкурирующими региональными гегемонами, такими как Нигерия и Южная Африка, не говоря уже о Ливии, которую тогда возглавлял полковник Муаммар Каддафи.

Анализ Тиеку хорошо дополняется работой Яна Тейлора (гл. 14), которая демонстрирует, что крупные инициативы АС, такие как Новое партнерство в интересах развития Африки (НЕПАД), также находились под сильным влиянием западного давления. Действительно, Тейлор предполагает, что большая часть стремления к экономической и политической интеграции на региональном уровне — в Южной Африке, Восточной Африке и Западной Африке — исходила от неолиберальных сил за пределами континента. Для МВФ и Банка региональная интеграция и вытекающее из нее снижение торговых налогов оказались очень эффективной стратегией продвижения свободной торговли. Таким образом, африканскому регионализму способствовала конкретная экономическая повестка дня — та, о которой говорилось в отчете Берга, — чтобы приблизить Африку к модели свободного рынка, в которой участие государства в экономике сведено к минимуму. Таким образом, «регионализм не просто «экономический», он также глубоко политический и идеологический». Несмотря на это, стремление к зонам свободной торговли, стандартизированным налоговым системам и единым валютам привлекает многих избирателей, которые в остальном критически настроены по отношению к западному вмешательству, поскольку оно обещает приблизить континент к panaфриканскому видению⁵⁰.

Тенденция, которую идентифицирует Тейлор, важна по ряду причин. Во-первых, он поднимает важные вопросы об экономической политике в Африке, поскольку предполагает, что элементы Политики структурной перестройки (ППС) 1980-х годов были впоследствии повторно введены через черный ход, несмотря на изменение номенклатуры. Во-вторых, это влияет на способность африканских государств определять свою собственную политику, поскольку, хотя более высокий уровень торговли может привести к более высокому долгосрочному экономическому росту, в краткосрочной перспективе

снижение торговых налогов привело к падению некоторых потоков государственных доходов. В-третьих, в нем есть отголоски «передовой либеральной власти», о которой говорил Абрахамсен, когда государства-клиенты крупных международных доноров сами становятся проводниками неолиберальных проектов. Поэтому неудивительно, что Тейлор также обнаруживает, что близнецовые процессы глобализации и регионализма вызывают серьезное оспаривание со стороны тех, кто рискует проиграть или не разделяет видение более взаимосвязанного мира, в котором правительства менее способны изолировать друг друга. своих граждан от мировых сил. То, как эта борьба разыгрывается, заключает он, не является забытым выводом. Скорее, оно будет «зависеть от различных и разнообразных конфигураций и социальных формаций внутри каждого микрорегиона и будет опираться на гражданское общество».

Процессы регионализации и глобализации будут также определяться возрождением Китая в качестве крупного игрока на континенте. Наряду с растущим участием множества стран, включая Бразилию, Индию, Японию, Турцию и Саудовскую Аравию, это привело к появлению все более «многополярного» мира. В результате у африканских лидеров теперь есть более широкий выбор партнеров, что повышает их способность действовать в трудных ситуациях⁵¹. В главе, написанной Падрайгом Кармоди и Фрэнсисом Овусу, представлена участие в Африке в более широком контексте (гл. 15). Вместо того, чтобы оценивать политику Китая в отношении Африки изолированно, Кармоди и Овусу утверждают, что имеет смысл сравнивать ее с политикой Соединенных Штатов. Более конкретно, они предполагают, что сочетание растущих китайских инвестиций и более активного стратегического участия США после террористических атак 2001 года означает, что континент «выдвинулся на центральное место в мировой политике в области нефти и безопасности». В свою очередь, они заключают, что эти «нынешние тенденции переделывают структуру колониальной торговли, укрепляют авторитарные государства и разжигают конфликты».

Важно отметить, что Кармоди и Овусу не просто присоединяются к «антикитайской» повестке дня, которая в последние годы набирает обороты в африканистике.⁵² Они не считают Китай по своей природе более проблематичным, чем Америка или другие западные доноры. Скорее, их анализ указывает на влияние конкуренции между США и Китаем на континенте, где лидеры хорошо разбираются в использовании стратегий экстраверсии. Другими словами, проблема, которую они определяют, является не просто продуктом появления Китая в качестве крупного игрока в Африке, но и результатом взаимодействия между Китаем и другими иностранными правительствами. Более тонкое понимание участия Китая также характеризует работу Джулии Штраус, которая исследует риторику Китая в отношении Африки. Официальные заявления китайского правительства отличаются своими (сомнительными) обещаниями невмешательства, дружбы и солидарности (гл. 16)⁵³. существенная преемственность с маоистским прошлым, когда практически все другие аспекты маоизма были официально отвергнуты». Она утверждает, что «несмотря на растущую

Слои сложности в растущем участии Китая в Африке, набор удивительно долгоживущих принципов невмешательства, дружбы, безоговорочной помощи и аналогичных страданий от рук империализма с начала 1960-х годов по настоящее время продолжает пропагандироваться. '

Это не означает, что риторика Китая в отношении Африки неизменна. Существует новый язык вокруг взаимодополняемости и необходимости международного разделения труда, но «старая риторика по-прежнему доминирует в официальном дискурсе, по крайней мере, отчасти потому, что она по-прежнему привлекает внутреннюю китайскую аудиторию». Важно отметить, что эти дискурсы также оказались особенно устойчивыми, поскольку они также обращаются к ряду важных африканских аудиторий. Лидеры и правительства, разочарованные тем, что они считают неоправданным вмешательством Запада, — например, те, кто недавно выступил против судебного преследования Международным уголовным судом (МУС) президентов африканских стран в Кении и Судане⁵⁴, — нашли подход Китая освежающим .

Более того, натравливая правительства США, Великобритании, Китая, Франции (и многих других стран) друг на друга, богатые ресурсами африканские лидеры получили возможность выбирать экономические и политические сделки, которые предлагают наибольшую финансовую выгоду и требуют самых скромных затрат. реформы. Как всегда, утверждение суверенитета с помощью стратегий экстраверсии позволило африканским правительствам проявить свою свободу действий во благо или во зло.

Важность международных отношений Африки для изучения африканской политики

Обсужденные выше дебаты важны не только для понимания отношений Африки с миром, но и для понимания некоторых наиболее значительных политических и экономических событий на континенте. Рассмотрим, например, том II этой серии, в котором рассматривается постколониальное государство в Африке. Нельзя в полной мере оценить динамику политических систем, которые развивались в 1970-х и 1980-х годах, не зная о политических и социальных изменениях, вызванных колониальным правлением, даже если считать, что значение колониального наследия было преувеличено. То же самое можно сказать и о томе III, посвященном политике идентичности: классовой, этнической, религиозной и так далее. Как уже продемонстрировала работа Ланге и Мамдани, политическая значимость этничности во многих африканских странах среди прочего коренится в колониальном опыте. Это особенно верно в случаях, когда этнический конфликт был вызван соперничеством за землю, потому что и случаи отчуждения земли, и заселение соперничающими общинами земель, на которые претендовали другие, были характерными чертами колониального периода, особенно в странах, в которых было большое количество белых поселенцев.

Международные отношения Африки также обеспечивают важную основу для дебатов о возможности и динамике демократии в Африке. Мы уже видели, что некоторые ученые считают, что не прямое правление создает большие препятствия для социального единства и построения эффективных государств. У нас также есть

видно, что вторая группа исследователей утверждает, что иностранная помощь, направленная на улучшение управления на континенте, на самом деле имела пагубные последствия. Однако, как свидетельствуют дискуссии вокруг этих вопросов, единого мнения ученых по этим вопросам нет. То же самое можно сказать и о дебатах о способности иностранных правительств формировать современные политические процессы на континенте. Экономическая хрупкость Африки означает, что она остается более уязвимой перед глобальными финансовыми потоками и более зависимой от иностранной помощи, чем любой другой континент. В результате международные акторы приобрели большое влияние в самых разных областях, от политики в области здравоохранения до наблюдения за выборами.⁵⁵ Но действительно ли это позволило западным донорам эффективно продвигать демократию на континенте, остается открытым и противоречивым вопросом. В конце концов, в любом международном взаимодействии есть потенциал для экстраверсии. Каким бы ни был исход этих дебатов, они по-прежнему будут основываться на исследованиях, представленных в этом томе.

Коротко о критериях выбора

В этих томах собраны одни из лучших и наиболее влиятельных работ по африканской политике, опубликованных за последние двадцать лет. Учитывая, что целью сборников Major Works является обеспечение легкого доступа к передовым журнальным статьям, особенно для людей, не пользующихся полной подпиской на журналы, я отдал приоритет включению недавних работ (опубликованных после 2000 г.) и, за исключением одной или два исключительных случая не включали главы книги. Одним из следствий этого является то, что некоторые важные исследования, опубликованные в 1990-х годах или опубликованные только в виде книг, не включены. Очевидными примерами являются влиятельные книги Баярта «Государство в Африке». В обоих случаях я призываю всех Африканские работы Шабала и Далоза .⁵⁶

заинтересован в африканской политике, чтобы прочитать оригиналы полностью.

Включенные сюда статьи были отобраны так, чтобы отражать как самые важные недавние работы в этой области — как с точки зрения количества цитирований, которые они получили, так и в той степени, в какой идеи и аргументы, которые они сообщают, сформировали более поздние дебаты — и новый анализ, которому суждено стать обязательным чтением для студентов, изучающих африканскую политику. Я также тщательно отбирал фрагменты, отражающие широкое разнообразие точек зрения. В этом есть три аспекта. Во-первых, я попытался дать достаточно полный обзор африканской политики в широком понимании, основанный на признании того, что этническая принадлежность и религия являются такими же важными темами, как выборы, государство и международные отношения.

Во-вторых, следующие семьдесят статей взяты из широкого круга дисциплин, что отражает разнообразие подходов в африканской политике: количественные исследования, этнографические тематические исследования и сравнительный анализ малых п — все они хорошо представлены. В-третьих, я намеренно включил большой выбор исследований из Европы, Северной Америки,

и Африканский континент. Этот подход имеет два преимущества. Во-первых, научные исследования, возникающие в разных регионах, часто уделяют приоритетное внимание разным проблемам и используют разные линзы, поэтому для отражения разнообразия африканистики необходим инклюзивный подход. Во-вторых, важно учитывать широкий спектр точек зрения и мнений, а также следить за тем, чтобы африканские исследования не маргинализировались в рамках изучения самой Африки.

Конечно, мне хотелось бы включить больше статей; Необходимость решить, что оставить, вызвала у меня много бессонных ночей. Но хотя некоторые достойные документы не смогли быть размещены, набор статей, который был создан в результате этого процесса отбора, демонстрирует замечательную жизнеспособность африканской политики. Всегда опасно делать прогнозы относительно изменчивого мира африканистской академии, но есть два утверждения, которые можно сделать в отношении этого массива исследований, оставаясь при этом в безопасности. Во-первых, представленная здесь работа не только определит развитие африканистики, но и станет важным пробным камнем для изучения демократии и этничности во всем мире. Во-вторых, учитывая стремительные инновации и изменения в дисциплине, вскоре потребуются новая коллекция для демонстрации исследований, которые будут опубликованы в течение следующего десятилетия.

Примечания

- 1 К «старой гвардии», в которую входили « Африка», « Африканские дела», « Журнал современных африканских исследований», « Африка сегодня», « Обзор африканской политической экономики» и « Канадский журнал африканских исследований», теперь мы добавили « Африка Спектр», « Критические африканские исследования», Журнал восточноафриканских исследований и многое другое.
- 2 Отличное обсуждение этого вопроса см. у Кроуфорда Янга. «Нация, этническая принадлежность и гражданство: дилеммы демократии и гражданского порядка в Африке». В Саре Дорман, Дэниеле Хэммете и Поле Ньюдженте (редакторы). Создание наций, создание чужаков. Брилл, 2007, стр. 241–264. См. также статьи Брюса Бермана, Диксона Эйхоа и Уилла Кимлики (редакторы). Этническая принадлежность и демократия в Африке. Издательство Джеймса Карри, 2004 г.
- 3 Клод Аке. Возможности демократии в Африке. Коллектив африканских книг, 2000.
- 4 Следует отметить некоторые важные исключения, такие как Ботсвана, Гамбия (до 1994 г.) и Маврикий, в которых сохранялись многопартийные системы, а также государства, в которых не было правительства из-за продолжающейся гражданской войны.
- 5 Эритрея продолжает сопротивляться этой тенденции, и выборы в ряде штатов проводились нечасто, но, тем не менее, движение к электоральной политике было заметным.
- 6 Джозеф Такуган. «Выборы в законодательные органы Камеруна 2002 года: ретроспектива застопорившегося демократического движения в Камеруне». Журнал современных африканских исследований 41 (03), 2003 г., стр. 421–435.
- 7 См. Freedom House. «Информационный бюллетень по странам Африки к югу от Сахары». Freedom House, 2013 г., доступно по адресу <<https://freedomhouse.org/report/sub-saharan-africa-fact-sheet#.Vb8zTROqqko>> (6 июля 2015 г.).
- 8 Лерой Вейл (ред.). Создание трайбализма в Южной Африке. Издательство Калифорнийского университета, 1989.
- 9 Конечно, аналогичные изменения произошли в некоторых частях Азии и Латинской Америки, хотя в последнем случае независимость пришла гораздо раньше.

- 10 Ник Чизман (ред.). Политические институты в Африке. Издательство Кембриджского университета, предстоящий.
- 11 Обсуждение этого вопроса в прошлом и настоящем см. в Morten Jerven. Плохие цифры: как нас вводит в заблуждение статистика развития Африки и что с этим делать. Издательство Корнельского университета, 2013.
- 12 Питер Пелс. «Антропология колониализма: культура, история и появление западной государственности». Ежегодный обзор антропологии 26, 1997 г., стр. 163–183.
- 13 Джеймс С. Коулман. «Национализм в тропической Африке». Обзор американской политической науки 48 (2), 1954, стр. 404–426.
- 14 Трудно представить исчерпывающую статистику по этому вопросу, так как такого рода информация не собирается. Однако мой опыт работы в редакционном совете журнала «Современные африканские исследования» и в качестве соредактора журнала «Африканские вопросы» свидетельствует о том, что около 80 процентов присылаемых статей представляют собой исследования отдельных стран.
- 15 Большой-п означает много случаев.
- 16 Например, ряд стран поддержали инициативы по открытым данным. См. Правительство Кении. «Открытые данные Кении». 2015 г., <<https://opendata.go.ke/>> (6 июля 2015 г.).
- 17 Мортен Джервен. «Относительность бедности и доходов: насколько надежны африканские экономическая статистика? Африканские дела 109 (434), 2010, стр. 77–96.
- 18 Для получения дополнительной информации и доступа к данным посетите сайт www.abrobarometer.org.
- 19 Первоначально Афробарометр начал с выборки из 12 стран. В настоящее время он исследует более 35 человек. Команда Афробарометра осторожно указывает, что эта выборка не является полностью репрезентативной для континента.
- 20 До этого конкурентно-авторитарные выборы давали представление об общественном мнении в некоторых странах, хотя результаты выборов часто были противоречивыми. В других случаях первые опросы общественного мнения проводились группой Маркони в 1960-х годах, но эти усилия были быстро свернуты после восстановления авторитарного правления на континенте. Джоэл Баркан также провел новаторские исследования в Восточной Африке в 1970-х годах.
- 21 Хотя они не включают микросоциальства с населением менее 500 000 человек.
- 22 Базовые РКИ в основном структурируют вмешательство таким образом, что есть четкая и известная «лечебная» группа, которая получает вмешательство, и «контрольная» группа, которая не получает, и сравниваются две, чтобы определить, оказало ли вмешательство статистически значимое влияние на «лечебная» когорта.
- 23 Классическими примерами таких игр могут быть дилемма заключенного и игры на доверие, в которых игрокам даются небольшие суммы денег, и они должны решить, сколько «отправить» другому игроку, зная, что у них есть потенциал заработать больше денег, если их партнер отправляет часть обратно, но может потерять все, если его партнер оставит средства себе.
- 24 Людвиг Витгенштейн. Синие и коричневые книги: предварительные исследования для Философские исследования. Джон Уайли, 1974 год.
- 25 По данным Google Scholar, статья Познера на сегодняшний день получила более 400 ссылок, в то время как статья Мигеля цитировалась более 380 раз. Это высокие цифры для любой статьи по общественным наукам.
- 26 Мне посчастливилось участвовать в дискуссиях на отличном круглом столе под председательством Скотта Штрауса на тему «Возможности и опасности новых методов исследования», который состоялся на ежегодном собрании Ассоциации африканских исследований в Сан-Диего в ноябре 2015 года. Я благодарен участникам дискуссии и аудитории, чьи комментарии и отзывы помогли пролить свет на некоторые вопросы, поднятые в этом разделе.
- 27 Личная переписка, Скотт Штраус, июнь 2015 г.
- 28 Например, «Афробарометр» является инициативой африканских стран, и его исследования проводятся африканскими университетами и государственными исследовательскими организациями по всему континенту.

- 29 Акилагна Соьерр. «Проблемы, стоящие перед африканскими университетами: отдельные вопросы». Обзор африканских исследований 47 (1), 2004 г., стр. 1–59.
- 30 Амина Мама. «Этично ли изучать Африку? Предварительные мысли об учености и свободе». Обзор африканских исследований 50 (1), 2007 г., стр. 1–26.
- 31 Скотт Уэзерс и Райан Биггс, «Пробелы в участии и цитировании в исследованиях африканской политики». Африканские дела, ожидается в 2016 г.
- 32 Роберт Бейтс лаконично сформулировал эту идею, написав, что, хотя реформистские движения в Африке «востребованы внутри страны, они часто пользуются спросом на международном уровне». Роберт Бейтс. «Импульс к реформам в Африке». В Дженифер А. Виднер (ред.). Экономические изменения и политическая либерализация в странах Африки к югу от Сахары. Johns Hopkins University Press, 1994, стр. 14. Однако последующие события поставили под сомнение способность внешних сил способствовать реформаторским движениям или демократии на континенте. Критическое обсуждение см. у Гордона Кроуфорда. «Иностранная помощь и политическая обусловленность: вопросы эффективности и последовательности». Демократизация 4 (3), 1997, стр. 69–108.
- 33 См., например, Том С. McCaskie. Государство и общество в доколониальном Асанте. Издательство Кембриджского университета, 2003.
- 34 Ник Чизман. Демократия в Африке: успехи, неудачи и борьба за политические реформы. Издательство Кембриджского университета, 2015 г., главы 1 и 6.
- 35 Колин Лейс. Взлет и падение теории развития. Издательство Индианского университета, 2009 г.; Уолтер Родни. Как Европа недоразвита Африку. Издательство Университета Говарда, 1981.
- 36 Махмуд Мамдани. Гражданин и субъект: децентрализованный деспотизм и наследие позднего колониализма. Издательство Оксфордского университета, 1997.
- 37 Жорж Нзонгола-Нталаха. Конго: от Леопольда до Кабины: история народа. Зед Букс, 2002.
- 38 Рикардо Соареш де Оливейра. Великолепная и нищая земля: Ангола после Гражданской войны. Херст, 2015.
- 39 Майкл Бернхард, Кристофер Ренк и Тимоти Нордстром. «Наследие западного зарубежного колониализма в демократическом выживании». Ежеквартальные исследования международных исследований 48 (1), 2004 г., стр. 225–250.
- 40 См. Даниэль Познер. Институты и этническая политика в Африке. Издательство Кембриджского университета, 2005, гл. 2.
- 41 Чизмен. Демократия в Африке, главы 1, 2 и 4. Более подробное обсуждение значения налоговых переговоров в процессах демократизации см. в томе II, часть 5.
- 42 Эллиот Берг. «Ускоренное развитие в странах Африки к югу от Сахары: повестка дня для действия». Всемирный банк, 1981 г.
- 43 Тунде Зак-Уильямс и Джэйлз Мохан. «Африка от SAP к PRSP: плюс перемены плюс C'est la Meme Chose». Обзор африканской политической экономики 32 (106), 2005 г., стр. 501–503.
- 44 Линдси Уитфи филд. «Государственная элита, ПРСП и реализация политики в зависимой от помощи Гане». Third World Quarterly 31 (5), 2010 г., стр. 721–737; Линдси Уитфи филд. «Попечители развития от условий к управлению: документы о стратегии сокращения бедности в Гане». Журнал современных африканских исследований 43 (4), 2005 г., стр. 641–664.
- 45 Хотя стоит иметь в виду, что денежные переводы часто облагаются налогом правительству и, следовательно, получать доход.
- 46 Скарлетт Корнелиссен, Фанту Черу и Тимоти М. Шоу. «Введение: Африка и международные отношения в 21 веке: все еще бросает вызов теории?» В Скарлетт Корнелиссен, Фанту Черу и Тимоти М. Шоу (редакторы). Африка и международные отношения в 21 веке. Пэлгрейв Макмиллан, 2012, с. 2. Я благодарен Карлу Смерти за то, что он обратил мое внимание на эту главу.

- 47 Карл Смерть. «Международные отношения Африки». *African Affairs*, виртуальный выпуск о международных отношениях в Африке, июнь 2015 г., доступно по адресу: <http://www.oxfordjournals.org/our_journals/afrafj/international_relations_vi.html> (17 июля 2015 г.).
- 48 Пол Д. Уильямс. «От невмешательства к невмешательству: истоки и развитие культуры безопасности Африканского союза». *Африканские дела* 106 (423), 2007 г., стр. 253–279; Томас Леглер и Томас Квази Тиеку. «Что может изменить путь? Региональные режимы продвижения демократии в Америке и Африке». *Демократизация* 17 (3), 2010, стр. 465 – 491.
- 49 Панафриканизм набрал силу во время националистической борьбы, поскольку многие африканские лидеры утверждали, что для полного освобождения африканских государств требуется не только независимость, но и отказ от искусственных границ, установленных колониальными державами, чтобы создать более сильную, более сплоченную, континент. Пример такого аргумента см. у Джулиуса Ньерере. «Свобода и единство». *Переход* 14, 1964, стр. 40–45.
- 50 Интересный анализ движущих сил и сдерживающих факторов региональной интеграции см. в Percy S. Mistry. «Рекорд Африки по региональному сотрудничеству и интеграции». *Африканские дела* 99 (397), 2000, стр. 553–573; Алемайеху Гада и Хайле Кебрет. «Региональная экономическая интеграция в Африке: обзор проблем и перспектив на примере КОМЕСА». *Журнал африканской экономики* 17 (3), 2008 г., стр. 357–394.
- 51 Джон Лонсдейл. «Агентство в узких углах: повествование и инициатива в истории Африки». *Журнал африканских культурных исследований* 13 (1), 2000 г., стр. 5–16.
- 52 Отличное обсуждение этого вопроса см. у Deborah Bräutigam. *Дар дракона: реальная история Китая в Африке*. Издательство Оксфордского университета, 2009.
- 53 Такие утверждения сомнительны, потому что Китай занял агрессивную позицию по отношению к африканским государствам, которые сделали шаг к признанию Тайваня, и ожидает, что его африканские партнеры будут голосовать вместе с ним по вопросам, вызывающим особую национальную озабоченность, в Организации Объединенных Наций. См. Адамс Бодомо. «Африканско-китайские отношения: симметрия, мягкая сила и Южная Африка». *China Review* 9 (2), 2009 г., стр. 169–178.
- 54 Сюзанна Д. Мюллер. «Кения и Международный уголовный суд (МУС): политика, выборы и закон». *Журнал восточноафриканских исследований* 8 (1), 2014 г., стр. 25–42; Габриэль Линч. «Внесудебные баталии: кенийская политика и Международный уголовный суд». *Аналитическая записка Института Эгмонта по Африке*, № 8, 2014 г., доступна по адресу: <<http://www.egmontinstitute.com/papers/13/afr/APB8.pdf>> (15 июля 2015 г.).
- 55 Джули Хирн. «НПО» кенийского общества: USAID и реструктуризация здравоохранения». *Обзор африканской политической экономики* 25 (75), 1998, стр. 89–100.
- 56 Патрик Шабаль и Жан-Паскаль Дало. *Африка работает: беспорядок как политический инструмент*. Джеймс Карри, 1999 г.; Жан-Франсуа Баяр. *Государство в Африке: политика живота*. Политика Пресс, 2009.

ВВЕДЕНИЕ К ТОМУ II

Ник Чизман

Африканское государство: борьба за людей и территорию

После введения многопартийной политики в последние годы колониального правления и ряда ожесточенных выборов в 1960-х и начале 1970-х годов Африка пережила период быстрого упадка демократии. Сдержки и противовесы, которые были включены во многие конституции независимости, были быстро устранены, и власть все больше концентрировалась в руках президента. В тех странах, где победившее националистическое движение смогло установить гегемонистский контроль над политической системой, это привело к возникновению однопартийных государств, в которых формальная политическая оппозиция правящей партии была запрещена¹. Классические примеры эта траектория включает Кению, Танзанию, Сенегал и Замбию. Напротив, в странах, где ни одна политическая партия не могла эффективно осуществлять власть, раскольническая конкуренция за власть и ресурсы часто приводила к «политическим трофеям» и гражданским войнам², которые, в свою очередь, сменялись периодами военного правления и личной диктатуры. Такая политическая нестабильность характерна для таких стран, как Демократическая Республика Конго (ДРК), Гана, Нигерия и Того³.

Также можно выделить две другие менее распространенные тенденции. Во-первых, ряд государств на юге Африки — Ангола, Намибия, Мозамбик, Южная Африка и Зимбабве — пережили более длительные периоды колониального правления или правления белого меньшинства и поэтому обрели независимость намного позже. В этих случаях националистические движения провели 1970-е и 1980-е годы, сопротивляясь авторитарному правлению, а не созидая демократию. Во-вторых, еще в меньшем количестве случаев политические элиты смогли сформировать консенсус в отношении ценности многопартийных выборов для поддержания инклюзивной и стабильной политической системы. В результате в ряде стран, включая Ботсвану, Маврикий и до 1994 г. Гамбию, демократического спада не произошло, хотя только на Маврикии выборы привели к передаче власти от одной партии к другой⁵.

Учитывая авторитарный контроль, осуществляемый многими африканскими лидерами, новички на континенте могут быть удивлены, узнав, что классический стереотип африканских государств состоит в том, что они, говоря словами Шабала и Далоза, «слабы».

и неэффективны».6 Этот парадокс вызвал ряд важных дискуссий в африканистике. С одной стороны, исследователи исследовали ограниченные возможности африканских государств, обсуждая, какому потенциальному объяснению следует отдать предпочтение. Являются ли трудности управления континентом лучше всего объясняемыми колониальным наследием, которое оставило континенту набор политических систем, предназначенных в первую очередь для экономической добычи и политического контроля, а не для консенсусного управления?7 Или более важно то, что африканские государства такие как Чад, ДРК и Судан, входят в число крупнейших стран мира и, следовательно, являются одними из самых сложных для управления?8 Или следует уделять больше внимания совершенно другому набору вопросов, например масштабам коррупции? и экономическое бесхозяйственность?

С другой стороны, ученые стремились объяснить, каким образом государства, зачастую столь хрупкие и склонные к краху, поддерживали такие прочные авторитарные режимы. Такие лидеры, как Гастингс Банда в Малави, Даниэль арап Мои в Кении и Кеннет Каунда в Замбии, находились у власти более двадцати лет. Как мы можем объяснить эти примеры политической стабильности на континенте, где власть правительства, как говорят, ослабевает с каждым шагом, удаляющимся от столицы? правило, и что их способность быть исключительными была основана на большей институциональной силе государства, которым они руководили.10 Но это неудовлетворительный ответ, потому что в некоторых странах с высоким уровнем политической крайне низкий уровень государственной дееспособности.

Таким образом, ясно, что устойчивость правящей партии нельзя объяснить одним лишь принуждением11. Поэтому мы должны искать более тонкие ответы на этот вопрос.

За последние тридцать лет было предложено множество различных объяснений происхождения политического порядка в Африке, и в этом томе собраны некоторые из наиболее влиятельных и правдоподобных. Аргумент, получивший наибольшее распространение в 1980-е годы, заключался в том, что в той мере, в какой политическая стабильность существовала в Африке, она была «обеспечена извне». В классической формулировке Джексона и Росберга слабые африканские государства сохранялись не потому, что у них была сильная полиция или армия, а потому, что они были признаны международной системой. Другими словами, именно тот факт, что остальной мир гарантировал суверенитет африканским государствам, объяснял их выживание (см. том I)12. Однако, хотя этот анализ помогает объяснить сохранение африканских границ, он мало говорит о том, почему определенные правительства были способны так долго выживать на данной территории. Хотя имело место значительное вмешательство Запада в поддержку дружественных режимов, особенно во франкоязычной Африке13, это не может объяснить успех таких лидеров, как Каунда, чье правительство выжило в основном благодаря собственной инициативе.

Чтобы лучше объяснить долговечность такого рода режима в Африке, нам нужно рассмотреть способы, которыми правительства — будь то авторитарные или демократические — могут принуждать и кооптировать поддержку. Ведь только принуждение

становится необходимым, когда правительству не хватает легитимности. Чтобы в полной мере оценить этот момент, важно рассмотреть способы, которыми лидер может использовать покровительство не только для того, чтобы сделать себя и своих друзей богаче, но и для формирования широких коалиций и получения народной поддержки. Африканские правительства требуют от нас признания различных видов политической власти, действующих на континенте – будь то патримониальная, традиционная или основанная на предоставлении услуг по защите (как в случае с бдительностью). В африканских государствах часто может отсутствовать организационный потенциал, но другие формы власти и влияния — нет.

Исследование африканского государства и его отсутствия

Исследования государства в Африке часто фокусировались на другом континенте, особенно потому, что большая часть исследований касалась того, существуют ли африканские государства на самом деле. Это не чисто семантический вопрос: с начала 1980-х годов исследователи задаются вопросом, означает ли ограниченная способность африканских государств защищать свой народ и предоставлять ему услуги, что их вообще не следует классифицировать как «государства».

По словам Патрика Шабали и Жана-Франсуа Дало, использование такого термина в Африке вводит в заблуждение, поскольку подразумевает импорт европейской концепции, которая не соответствует африканским реалиям. возвращение, но даже несмотря на эту недавнюю тенденцию, литература по-прежнему имеет тенденцию сосредотачиваться на формах институциональной слабости¹⁶.

Поэтому неудивительно, что две главы первой части тома посвящены «несостоятельности государства»¹⁷.

В главе 19 Роберт Бейтс, один из самых влиятельных африканистских политологов последних сорока лет, использует количественную модель для исследования «логики несостоятельности государства», стремясь определить «условия, при которых государства становятся возможными». Он считает, что многопартийность, низкие государственные доходы и лидеры, поддерживающие одну часть страны, уменьшают шансы на появление сильного и стабильного государства. Другие исследователи, такие как Пол Коллиер, выделили дополнительные факторы, прежде всего взаимосвязь между природными ресурсами и политическими конфликтами, а также склонность стран, переживших одну гражданскую войну, страдать от другой¹⁸.

Преобладание многих факторов, отмеченных Бейтсом и Кольтером, в Африке способствовало высокому уровню внутригосударственных конфликтов на континенте.

За последние двадцать лет частые вспышки политического насилия побудили ряд ученых задаться вопросом, как африканские правительства и международные доноры могут лучше всего реагировать на повсеместную политическую нестабильность. В главе 20 Джеффри Хербст дает собственный ответ на этот вопрос. Опираясь на многие из своих основополагающих вкладов в понимание африканского государства, Хербст приходит к радикальному выводу. В некоторых наиболее сложных случаях, таких как Демократическая Республика Конго, он предполагает, что поддержка слабых государств может принести больше вреда, чем пользы. Поэтому мы должны быть готовы думать, что

немыслимы, и позволяют сепаратистским движениям уходить и формировать новые государства, пока они способны соответствовать определенным критериям осуществимости и политической стабильности.

Хотя Херbst предусмотрительно указал, что его анализ применим только к определенному подмножеству африканских государств, его статья оказалась весьма противоречивой.

По мере того, как дебаты разворачивались, события в некоторых странах, которые Херbst обсуждал в статье, сформировали академическую и политическую реакцию на его аргумент. Например, введение к статье в значительной степени основано на опыте Либерии и Сомали, которые в то время, когда он писал (1997 г.), как правило, считались «корзинными случаями», чтобы сформулировать утверждение о том, что продолжающийся провал государства в Африке потребовали радикальных политических решений.

В то время как Сомали продолжала разочаровывать, Либерия впоследствии относительно успешно провела переговоры о переходе к гражданскому правлению в середине 2000-х годов и к настоящему времени провела в основном мирные многопартийные выборы. Более того, хотя демократическая система остается хрупкой, страна добилась значительного прогресса под руководством первой в Африке женщины-президента Эллен Джонсон-Серлиф.

Таким образом, ясно, что разделение и преемственность не являются необходимым условием для государственного строительства в Африке, хотя это не означает, что радикальные варианты, изложенные Херbstом, не заслуживают рассмотрения для стран, которые не проявляют никаких признаков прогресса в направлении эффективного мира или государственное строительство, например ДРК.

Как показывает история Либерии, со временем менялись как форма африканского государства, так и его деятельность. Поэтому важно не думать о государстве как о статичном наборе институтов и обращать внимание на различные типы государств, возникшие в Африке. Рассматривая эволюцию африканского государства, Кроуфорд Янг стал одним из первых ученых, заявивших, что эра «постколониального» государства подошла к концу в 2004 г. (гл. 17). Янг отмечает, что термин «постколониальный» «приобрел широкое распространение вскоре после обретения независимости в знак признания импорта в новые государства практик, рутин и менталитета колониального государства».

Раскрывая концепцию дальше, он предполагает, что одной из определяющих черт постколониального государства была попытка обеспечить «более амбициозную форму политической монополии, легитимным дискурсом которой был девелопментализм».

Янг предполагает, что, хотя этот тип государства был доминирующим в раннюю постколониальную эпоху, к 1980-м годам картина начала меняться в результате ряда новых и важных политических тенденций. Говоря более конкретно, подъем «патримониального самодержавия» в сочетании с «внешним и внутренним давлением с целью экономической и политической перестройки государства» открыл «двери для сложной паутины новых гражданских конфликтов». Со временем совокупный эффект этих событий сделал колониальное наследие менее значимым. В результате он заключает, что «постколониальный момент прошел». Этот аргумент важен по ряду причин, в первую очередь потому, что он помогает нам поместить дебаты об африканском государстве в соответствующий исторический контекст и служит ценным напоминанием о значении и ограниченности исторического наследия.

Дополняя акцент Янга на процессах изменений, глава Стивена Ндегва проливает свет на важный аспект преемственности, а именно

характер взаимоотношений государства и граждан (гл. 18). Вторя опасениям Мамдани по поводу разъединяющего воздействия колониального правления на африканские общества (см. том I, гл. 2), Ндегва утверждает, что неудача Кении в переходе к демократии в 1990-х годах отчасти была результатом несовместимости «республиканского гражданства с этническим меньшинством». политические сообщества» с «либеральным гражданином, входящим в национальное политическое сообщество». В частности, он демонстрирует, как «социально установленные отношения между этнической идентичностью, авторитетом и легитимностью конкурируют с санкционированным законом членством, авторитетом и легитимностью национального государства». Эта «двойственность в гражданстве порождает конфликт вокруг демократии, понимаемой как либеральная мажоритарная демократия, и приводит к разногласиям между этническими коалициями по поводу того, какие институты подходят для многонационального государства». Иными словами, одна из ключевых проблем, стоящих перед африканским государством, состоит в том, что основная лояльность многих его граждан связана не с национальным политическим сообществом, а с собственной этнической группой.

Взятые вместе, работы Бейтса, Хербста, Нгегвы и Янга имеют большое значение для объяснения слабых основ африканского государства как с точки зрения инфраструктуры, так и с точки зрения легитимности. За последние семьдесят лет ряд различных групп и организаций стремились заполнить этот институциональный и моральный вакуум. Как отмечает Кристиан Лунд (гл. 23), «в Африке нет недостатка в институтах, которые пытаются осуществлять государственную власть: здесь присутствуют и действуют в разной степени не только многочисленные уровни и ветви государственных институтов, но и так называемые традиционные институты, поддерживаемые правительством. признание также соперничает за государственную власть, и новые возникающие институты и организации также выходят на поле. В большинстве случаев эти формы власти принадлежат не просто государству или гражданскому обществу, но «действуют в сумерках между государством и обществом, между публичным и частным».

Например, традиционные лидеры, часто известные как «вожди», обычно изображаются как «традиционные» социальные институты, уходящие корнями в доколониальное прошлое. Однако они часто являются частью официальной структуры правительства и во многих странах получают стипендию, как и другие государственные служащие. Таким образом, их можно рассматривать как принадлежащих как гражданскому обществу, так и государству. Напряженность, которую может вызвать эта двойная роль, хорошо подчеркивает Лунгисиле Нцебеза (гл. 21), который утверждает, что попытка ввести демократическую децентрализацию в Южной Африке была скомпрометирована «уступками, сделанными традиционным сельским властям». В частности, «законной передачи управления землей выборным должностным лицам не произошло, и эта важная власть осталась в ведении неподотчетных местных вождей и вождей». Одной из причин медленных темпов изменений является влияние, которое традиционные лидеры продолжают оказывать на свои сообщества. Как показывает Кэролин Логан в своей главе об «истоках устойчивости» (гл. 22), африканские граждане одобряют традиционных лидеров, играющих центральную политическую роль.

Действительно, большинство респондентов опросов «Афробарометра» сообщают, что хотят расширения полномочий традиционных лидеров¹⁹, особенно когда речь идет о таких вопросах, как разрешение локальных конфликтов.

Неспособность многих государств обеспечить эффективную безопасность также способствовала появлению групп самообороны, что привело к тому, что Дэвид Праттен называет «политикой защиты» (гл. 24). Праттен показывает, что в результате высокого уровня преступности и ограниченных возможностей трудоустройства «виджилантизм стал характерной чертой нигерийского социального и политического ландшафта». Например, такие группы, как «Мальчики Бакасси» и «Народный конгресс О'одуа», пользуются значительной поддержкой населения отчасти из-за «услуг по защите», которые они предоставляют своим общинам. Однако такие организации представляют собой гораздо больше, чем просто неформальные организации безопасности. Как утверждает Праттен, «помимо борьбы с преступностью, эти группы возглавляют современные политические состязания между политикой идентичности и гражданства и представляют различные устремления к будущему Нигерии, включая движение в поддержку шариата на севере и этнический национализм на западе».

Основываясь на этой оценке, Праттен заключает, что одной из определяющих черт такого рода движений линчевателей является то, что они действуют в неясной середине между населением и правительством. Одним из следствий этого гибридного существования является то, что деятельность и дискурс групп самообороны могут рассматриваться как отражение «дебатов об управлении, «государственности» и различиях между государством и гражданским обществом, которые подчеркивают «сумеречные» качества местной организационной политики». Таким образом, анализ Праттена подкрепляет аргумент Лунда о том, что в африканском контексте зачастую трудно провести черту между государством и гражданским обществом. Это особенно важное открытие, поскольку оно прямо говорит о характере отношений между государством и обществом на континенте и подчеркивает, каким образом многие группы, о которых часто говорят, что они являются частью «гражданского общества», на самом деле глубоко вовлечены в состояние. Понимание этого момента является ключом к пониманию того, что является отличительной чертой африканской политики — момент, который более подробно раскрывается в томе IV.

При совместном прочтении статьи, представленные в части 2, рассказывают важную историю: в современной Африке могут быть государства, которые слабы в организационном отношении, но в ней также возник ряд влиятельных групп и движений, которые соревнуются друг с другом за политическое влияние. граждане. Следовательно, хотя африканские государства могут быть слабыми в одних отношениях и небрежными в других, они редко бывают анархическими.

Неопатримониализм и коррупция

Две фразы, которые чаще всего ассоциируются с африканским государством после «краха государства», - это «неопатримониализм» и «коррупция». Рассмотрению этих тем посвящена третья часть этого тома. В главе 25 Геро Эрдманн и Ульф Энгель берут на себя задачу просеивания множества книг и статей, посвященных неопатримониализму, в попытке внести большую концептуальную ясность. Это оказывается стоящей задачей, поскольку они обнаруживают, что «дискурс о «неопатримониализме» характеризовался рядом терминологических слабостей, которые, в конце концов,

породили концептуальную путаницу». Чтобы этот термин не превратился в бессмысленную всеобъемлющую концепцию, они предлагают следующее определение, которое стоит подробно процитировать:

Неопатримониализм представляет собой смесь двух типов политического господства. Он предполагает соединение патримониального и законно-рационального бюрократического господства. Осуществление власти в неопатримониальных режимах хаотично и непредсказуемо, в отличие от поддающегося расчету применения власти, заложенного в универсальных правилах. . . . Общественные нормы при неопатримониализме формальны и рациональны, но их социальная практика часто индивидуальна и неформальна.

Наконец, неопатримониализм соответствует авторитарной политике, тогда как легально-рациональное гос

Другими словами, неопатримониализм относится к политическим системам, в которых одновременно сосуществуют два разных способа ведения политики. В отличие от большей части ранней литературы, это не означает, что формальные бюрократические правила всегда подрываются более сильными социальными нормами. Скорее, он оставляет открытой возможность того, что очаги поведения, следующего правилам, могут существовать в скомпрометированных системах, и что со временем страны могут стать более «патримониальными» или более «рационально-правовыми».

В главе 26 Дж. П. Оливье де Сардан делает для коррупции то же, что Эрдманн и Энгель делают для неопатримониализма. Однако, в отличие от подхода Эрдмана и Энгеля, Оливье де Сардан придерживается преимущественно эмпирического подхода, начиная не с теории, а с реальности на местах. В отличие от работы по борьбе с коррупцией, в большей степени ориентированной на политику, которая часто тратит больше времени на изучение последствий коррупции, чем ее причин, цель Оливье де Сардана состоит в том, чтобы объяснить, как коррупция понимается в Африке. С помощью этого упражнения он надеется поместить коррупционные действия в контекст более широкого «коррупционного комплекса». В частности, Оливье де Сардан выделяет шесть ключевых тем, характеризующих коррупцию в Африке: «ее рутинный характер, заклеивание коррупции, несмотря на отсутствие эффективных санкций, ее очевидная необратимость, отсутствие корреляции с типами режимов и ее легитимность по отношению к тем, кто ее совершает». ¹.

Как видно из этого резюме, выводы Оливье де Сардана не оптимистичны. Он находит, что коррупция повсеместна, и хотя «все искренне выступают за уважение общественного достоинства и хотят, чтобы бюрократия служила гражданам... каждый участвует посредством повседневных действий в воспроизводстве системы, которую он осуждает». Именно по этой причине большинство антикоррупционных реформ обречены на провал, а элементы неопатримониализма так укоренились.

В главе 27 Уильям Рино делает то же самое в другом ключе, утверждая, что коррупция, преступность и беспорядки распространены во многих африканских государствах именно потому, что они приносят пользу тем, кто находится у власти. По словам Рено, «ряд действий, которые обычно определяются как коррупция и уклонение от государственной власти, или как последствия некомпетентного управления».

и плохая политика, на самом деле вырастают из целеустремленных стратегий правителей». Чтобы описать, как это работает на практике, Рено развивает концепцию «теневого состояния», которое является «формой личного правления; то есть авторитет, основанный на решениях и интересах человека, а не на наборе писаных законов и процедур». Он продолжает: «Теневое государство основано на способности правителей манипулировать доступом внешних акторов к рынкам, как формальным, так и тайным, таким образом, чтобы усилить свою власть».

Анализ Рено помогает объяснить преобладание хрупких формальных институтов в Африке, поскольку предполагает, что многие из слабых государств континента являются не просто случайным результатом войны и некомпетентности, но представляют собой преднамеренную попытку лидеров подорвать институты управления, которые могли бы иным образом ограничивать их действия. Однако важно отметить, что Рено не предполагает, что это относится ко всем африканским странам, а скорее рассматривает это как особенность подмножества особо проблематичных случаев. Именно в таких странах, как Сомали и Сьерра-Леоне (во время гражданской войны), «Теневое государство» является самым сильным, а антикоррупционная реформа и эффективное государственное строительство менее вероятны.

Возвращаем государство

Главы в Части 3 представляют довольно мрачную перспективу Африки и ее будущей траектории. Но на континенте также много позитивных событий и много идей о том, как можно преобразовать слабые государства. В главе 28 Тандика Мкандавире указывает, что, хотя большая часть литературы 1980-х и 1990-х годов предполагала, что «государства развития» невозможны на континенте, «в Африке были государства, которые были «развивающимися» как по своим устремлениям, так и по экономическим показателям. '.

Под состоянием развития Мкандавире подразумевает две вещи. Во-первых, государство, «чья идеологическая основа является «девелоперской» в том смысле, что оно понимает свою «миссию» как поощрение экономического развития». Во-вторых, государство, обладающее «административными, техническими, административными и политическими возможностями» для выполнения этой миссии, и автономия от социальных сил, необходимая для «разработки долгосрочной экономической политики, не обремененной притязаниями близоруких частных интересов». Хотя Мкандавире редко встречается в Африке, Мкандавире предполагает, что такие страны, как Ботсвана, соответствуют этим условиям и в 1970-е годы действовали лучше, чем некоторые их азиатские коллеги.

Это весомый аргумент. Однако есть проблема с использованием Ботсваны в качестве положительного примера государства развития, свободного от коррупции, которая заключается в том, что она была одним из самых эффективных и продуктивных государств Африки с момента обретения независимости. Таким образом, хотя от современных лидеров требовалось придерживаться подхода своих предшественников, им не нужно было проводить реформы для устранения укоренившейся коррупции и патримониализма. Учитывая это, Ботсвана — не лучшее место для поиска объяснений того, как государства, которые еще не стали «развитыми», а стали

зависит от неопатримониальных сетей, может быть обращено вспять. К счастью, за последнее десятилетие ряд исследователей предложили стратегии содействия развитию именно в таком контексте.

В главе 29 Тим Келсолл предлагает альтернативный путь для стран, застрявших в циклах низкого экономического роста и плохого управления. Подводя итоги Африканской программы власти и политики (APPP), Келсолл приходит к выводу, что одна из причин провала многих программ международных реформ в Африке заключается в том, что они пытались сделать слишком много и слишком быстро. Келсолл утверждает, что вместо попыток радикальных преобразований с головокружительной скоростью более прибыльным подходом было бы признание местных политических реалий и работа с ними. Под этим он имеет в виду, что вместо того, чтобы желать или надеяться на искоренение неопатримониальной политики, проекты развития должны пытаться «идти с зерном неопатримониализма». В частности, Келсолл предполагает, что некоторые виды патримониализма более поддаются экономическому развитию, чем другие. Если он прав, то доноры могли бы достичь важного прогресса, пересмотрев свой подход, чтобы побудить африканских лидеров принять вид патримониальных структур, наиболее способствующих устойчивому экономическому росту. Согласно анализу Келсолла, такие реформы имели бы больше шансов на успех именно потому, что они были бы более естественными для правительств и обществ, в которых они будут осуществляться.

В главе 30 Дэвид Бут и Фредерик Голуба-Мутеби (также входящие в APPP) развивают эту идею со ссылкой на случай Руанды. В соответствии с анализом Келсолла они предполагают, что патримониализм имеет тенденцию быть более эффективным, когда он управляется централизованно таким образом, что позволяет главе патримониальной сети реинвестировать доходы от деятельности по поиску ренты в экономику. В этих условиях патримониализм может быть совместим как с относительно низким уровнем коррупции, так и с использованием ренты для развития частей экономики, непривлекательных для частного сектора. Это, как предполагают Бут и Голооба-Мутеби, именно то, что произошло в Руанде, где правительство Пола Кагаме построило высокоцентрализованную экономическую и политическую систему.

В настоящее время нет единого мнения о том, насколько эффективной будет руандийская экономическая модель в долгосрочной перспективе. С одной стороны, критики опасаются, что деловые операции правительства будут продолжать доминировать в частном секторе из-за их выгодного доступа к контрактам и кредитам, подрывая экономическую конкуренцию и, следовательно, предпринимательство. С другой стороны, Бут и Голооба-Мутеби утверждают, что создание монополий под контролем правящей партии с лихвой компенсируется способностью принадлежащих партии предприятий давать толчок тем частям экономики, которые ранее бездействовали, и направлять доходы на важные инфраструктурные проекты. Только время покажет, какой анализ ближе к истине. В краткосрочной перспективе, однако, трудно не быть впечатленным экономическим ростом в 7-8 процентов в год, которого достигло правительство президента Кагаме в период между

Тем не менее, несмотря на впечатляющую политическую и экономическую реконструкцию, произошедшую в Руанде, тезис о «патримониализме развития» остается спорным. Одна из основных причин этого заключается в том, что это подразумевает попустительство — и, таким образом, в некоторой степени становится соучастником — патримониальной политики. Поэтому важно задаться вопросом, каковы могут быть негативные побочные эффекты поддержки патримониализма и, следовательно, повышения его легитимности. Например, в какой степени поддержка государств, практикующих «патримониализм развития», еще больше укрепит влияние такой практики в Африке? Второе потенциальное ограничение теории связано с тем, насколько можно обобщить опыт таких стран, как Руанда. Многие из примеров, обсуждаемых АРРР, такие как Эфиопия и Руанда, представляют собой авторитарные государства с доминирующей партией, способные осуществлять жесткий контроль над гражданами. Неясно, будет ли применим патримониальный подход к развитию в более открытых и конкурентных политических системах континента, где он подвергнется гораздо большему давлению со стороны ряда оппозиционных групп и организаций гражданского общества.

Эти вопросы, наряду с опасениями по поводу плохой репутации в области прав человека в Руанде, побудили ряд других исследователей искать альтернативные пути реформ. Одна из самых интересных областей новых исследований связана с возможностью заключения общественного договора²¹ между гражданами и государством через налогообложение, которое долгое время играло центральную роль в концепциях общественного договора²². На самом базовом уровне граждане те, кто платит налоги государству, обычно ожидают, что взамен будет предоставлен определенный уровень услуг. Потребность в налоговых поступлениях делает государства более уязвимыми для протестов граждан, в то время как уплата налогов делает граждан более чувствительными к тому, как используются государственные доходы. В результате построение эффективной системы налогового администрирования может сыграть важную роль в эволюции общественного договора между гражданами и государством. Однако сбор налогов является одним из многих видов деятельности, которые слабые африканские государства постоянно не выполняют. Одна из причин этого заключается в том, что у правительств мало стимулов взимать непопулярные налоги, когда они могут выжить за счет иностранной помощи, международных займов и доходов от п

О проблеме реформирования налоговой системы континента говорят Одд-Хельге Фьелдстад и Мик Мур в своем обсуждении появления полуавтономных налоговых органов (ARA) в 1990-х годах (гл. 31). Как показывают Фьелдстад и Мур, в то время как «правительства африканских стран и международные агентства по развитию, участвующие в реформах, рассматривают ARA как средство увеличения доходов центрального правительства», «мало признаков того, что создание налоговых агентств действительно увеличило государственные доходы». . Наоборот, они утверждают, что создание ARA «способствовало ряду реформ в отношении способов начисления и сбора налогов и отразило давление, которое в противном случае могло бы возникнуть в пользу существенной приватизации сбора налогов».

Это отсутствие импульса для реформ вызывает сожаление, потому что глава, написанная Кристин Бодиа и Адриенн ЛеБа, демонстрирует замечательную

улучшения, произошедшие в Лагосе (экономической столице Нигерии) в результате реформы и частичной приватизации налоговой системы (гл. 33).

Бодае и ЛеБас также находят доказательства того, что сочетание более высоких налоговых платежей и более широкого предоставления услуг поддерживает появление зарождающегося общественного договора, благодаря которому «люди с положительным опытом предоставления государственных услуг с большей вероятностью будут выражать веру в безусловное согласие». обязанность гражданина по уплате налога». Это хорошая новость, потому что если общественный договор можно заключить в таком бесперспективном контексте, как Лагос, который в начале 1990-х годов был известен скорее высоким уровнем преступности и этнорелигиозными разногласиями, чем экономическим развитием, то для остальных есть надежда. континента.

Однако насколько велика надежда, зависит от более широкого экономического контекста. Легче поднять налоги в густонаселенных городских районах, где значительная часть населения имеет официальную работу, как, например, в Лагосе. Но большая часть Африки не вписывается в эту картину; вместо этого многие части континента преимущественно сельские и имеют меньшую формальную экономику. В этом смысле историю с Лагосом нельзя обобщать — по крайней мере, за пределы других экономических центров.

Однако это не означает, что обложение налогом сельских районов невозможно или что лидеры никогда не будут стремиться облагать налогом своих сторонников. В новаторском анализе Кимули Касара (гл. 32) этнической принадлежности, географии и налогообложения утверждается, что, вопреки распространенному мнению, африканские лидеры не поддерживают свои этнические группы, позволяя им избегать налогообложения в сельской местности. Вместо этого она обнаруживает, что «фермеры, выращивающие товарные культуры, этнически идентифицируемые с главой государства, платят более высокие налоги». Это связано с тем, что лидеры в своих районах имеют больше возможностей для выбора эффективных местных посредников, «чтобы осуществлять контроль над сельской местностью и следить за тем, чтобы фермеры не поддерживали альтернативных кандидатов». Парадоксальный вывод Касары важен, потому что он демонстрирует, что наличие на посту президента лица, принадлежащего к одной этнической группе, не всегда идет на пользу, и помогает объяснить, почему налогообложение выше, чем могло бы быть в противном случае.

Примеры, представленные в главах 32 и 33, обнадеживают, но в настоящее время они остаются исключительными; в целом официальное налогообложение плохо соблюдается, что является одной из причин, по которой многие страны по-прежнему зависят от финансовой поддержки международных доноров (см. Том I). Низкий уровень подоходного налога, собираемого в Африке, отражает ограниченные возможности агентств по сбору налогов в сочетании с низкой заработной платой и высоким уровнем безработицы. Это также может быть связано с другим выводом Касары, который предполагает, что «демократические режимы взимают более низкие налоги», отчасти потому, что в их распоряжении меньше средств для принуждения к согласию. Конечно, демократические правительства также более уязвимы для публичной критики повышения налогов, особенно если оппозиционные партии проводят кампании против повышения налогов. В сочетании с анализом Фьелдстада и Мура это служит важным напоминанием о том, что процессы, которые на первый взгляд могут показаться взаимодополняющими, — в данном случае демократизация и налоговая реформа — не всегда ведут в одном направлении.

Что дальше для африканского государства?

Будущее африканского государства и отношения между управляемыми и правительством трудно предсказать. Однако литература, собранная вместе в этом томе, предлагает некоторые вероятные траектории. Коррупция и клиентелизм глубоко укоренились во многих африканских обществах, и потребуются десятилетия, чтобы это изменилось. Точнее говоря, эволюция более меритократической и ограниченной правилами бюрократии потребует изменений на двух уровнях.

Во-первых, перспективы значимых реформ будут зависеть от появления большей политической воли для обеспечения соблюдения и установления новых стандартов в рамках всей политической системы. К сожалению, необходимая политическая воля вряд ли появится или будет эффективной, если не произойдет второе изменение в самих африканских обществах: справедливое экономическое развитие. Со временем инклюзивный экономический рост будет способствовать появлению более образованных граждан, средства к существованию которых будут меньше зависеть от государства и, следовательно, будут лучше способны противостоять злоупотреблениям властью²³. антикоррупционных реформ политические лидеры столкнутся с более сильными стимулами серьезно относиться к коррупции. Таким образом, перспективы далеко идущих политических изменений будут во многом зависеть от степени социально-экономических изменений.

Это не означает, что сокращение коррупции невозможно без экономического роста. В Африке существуют значительные различия в степени распространения неопатримониальной политики, и некоторые государства добились прогресса в создании более чистой и эффективной бюрократии.

Однако нам следует с осторожностью относиться к тому, до какой степени можно обобщать опыт некоторых ведущих светил континента. Как обсуждалось выше, недавним политическим лидерам в Ботсване удалось сдержать коррупцию отчасти потому, что ей никогда не давали укорениться с самого начала. система, которая, будучи явно несправедливой и проблематичной, приносит пользу могущественным избирателям. Такие массовые преобразования обычно происходили только в течение очень длительного периода времени или в тех случаях, когда происходили радикальные изменения в политической системе, как в Руанде после геноцида.

Поэтому важно учитывать, в какой степени нынешние экономические тенденции могут вдохновить социальные преобразования, описанные выше. За последние пять лет интерес политологов и обозревателей средств массовой информации привлекли два конкретных события. С одной стороны, последовательный экономический рост привел к расширению среднего класса. С другой стороны, все большее число стран предоставляют своим гражданам бесплатное начальное образование, хотя качество этого образования остается неравномерным²⁵. Сочетание этих тенденций является хорошей новостью для политической ответственности²⁶. Например, мое собственное исследование по Кении, обнаруживает, что образованные люди более склонны поддерживать систему сдержек и противовесов для исполнительной власти.²⁷

Однако необходима дальнейшая работа, чтобы точно понять, как будет происходить этот процесс. Несмотря на текущие спекуляции, маловероятно, что все представители «среднего класса» будут стремиться привлечь правительство к ответственности. Вместо этого мы можем ожидать увидеть различие между теми людьми, которые наняты правительством — и, таким образом, остаются зависимыми от его благосклонности — и теми, кто работает в частном секторе. В то время как первые могут видеть ценность в защите статус-кво, вторые, скорее всего, будут обладать необходимой независимостью, чтобы противостоять злоупотреблению властью — если, конечно, их бизнес не получает прямой выгоды от государственной поддержки.

Поэтому нам необходимо лучше понять, как различные группы относятся к государству и как они относятся к остальному обществу. В свою очередь, это предполагает необходимость принятия политико-экономического подхода²⁸: кто чем владеет, как они стали владеть этим и как они связаны с другими. Это также означает, что изучение Африки выиграет от более тесного взаимодействия с социологией и, в частности, от ее внимания к различным социальным группам и их взаимодействиям. Ни один из этих подходов сегодня не особенно популярен в африканистике, отчасти потому, что они были довольно распространенными формами анализа в 1970-х годах, а ученые всегда ищут что-то новое. Однако они, скорее всего, возродятся в ближайшие двадцать лет, когда мы попытаемся понять новые типы отношений между государствами и обществами, которые появятся на континенте.

Примечания

- 1 Обсуждение правительства в контексте однопартийной системы см. у Горана Хайдена и Колина Лейса. «Выборы и политика в однопартийных системах: пример Кении и Танзании». Британский журнал политических наук 2 (4), 1972, стр. 389–420.
- 2 Крис Аллен. «Понимание африканской политики». Обзор африканской политической экономики 22 (65), 1995, стр. 301–320.
- 3 Обзор этого периода см. у Ника Чизмана. Демократия в Африке: успехи, неудачи и борьба за политические реформы. Издательство Кембриджского университета, 2015, гл. 1.
- 4 Сью Онслоу (ред.). Холодная война в Южной Африке: власть белых, освобождение черных. Рутледж, 2009 г.
- 5 Барбара Уэйк Кэрролл и Терренс Кэрролл. «Государство и этническая принадлежность в Ботсване и Маврикии: демократический путь к развитию?» Журнал исследований развития 33 (4) 1997, стр. 464–486.
- 6 Патрик Шабаль и Жан-Паскаль Дало. Африка работает: беспорядок как политический инструмент. Джеймс Керри, 1999, стр. 14.
- 7 Уолтер Родни. Как Европа недоразвита Африку. Издательство Университета Говарда, 1981.
- 8 Это три крупнейших государства Африки по площади суши.
- 9 Разделение между центром и периферией в связи с дееспособностью государства обсуждалось многими учеными. См. Аристид Золберга. Создание политического порядка: партийные государства Западной Африки. Рэнд МакНалли, 1966 год; Джеффри Хербст. Государства и власть в Африке: сравнительные уроки власти и контроля. Издательство Принстонского университета, 2000.
- 10 Как я использую его здесь, термин «государство» просто относится к основным политическим институтам, посредством которых общество организуется и управляется. Сюда входят, помимо прочего, конституция, бюрократия, полиция, армия, система прав собственности и так далее.

- 11 Уильям Тордофф (ред.). Политика в Замбии. Издательство Калифорнийского университета, 1974.
- 12 Роберт Х. Джексон и Карл Г. Росберг. «Почему сохраняются слабые государства Африки: эмпирическое и юридическое в государственности». Мировая политика 35 (1), 1982, стр. 1–24.
Как и многие статьи, обсуждаемые во введении, эта статья была опубликована слишком давно, чтобы ее можно было включить в эту серию.
- 13 В среднем французское правительство оказывало военную поддержку правительствам в Африке один раз в два года в 1980-х годах. Шон Грегори. «Французские военные в Африке: прошлое и настоящее». Дела Африки 99 (396), 2000, стр. 435–448.
- 14 Рене Лемаршан. «Политический клиентелизм и этническая принадлежность в тропической Африке: конкуренция солидарности в государственном строительстве». Обзор американской политической науки 66 (1), 1972, стр. 68–90.
- 15 Шабал и Далоз. Африка работает. Джеймс Карри, 1999 год.
- 16 Полное обсуждение этой литературы см.: Ник Чизман, «Введение: важность институтов в африканской политике». В Ник Чизман (ред.). Политические институты в Африке. Издательство Кембриджского университета, готовится к печати.
- 17 Стоит отметить, что несостоятельность государства — спорный термин, и многие исследователи предпочитают избегать его использования, а вместо этого говорить о более конкретных аспектах слабости и силы государства. Я использую этот термин здесь, потому что он отражает важное направление литературы.
- 18 Пол Коллиер, Нижний миллиард: почему беднейшие страны терпят неудачу и что с этим можно сделать. Издательство Оксфордского университета, 2008.
- 19 Данные см. на <www.afrobarometer.org> (12 июля 2015 г.).
- 20 Сбалансированное обсуждение некоторых из этих вопросов см. у Тома Гудфеллоу. «Политическое урегулирование в Руанде и городской переход: экспроприация, строительство и налогообложение в Кигали». Журнал восточноафриканских исследований 8 (2), 2014 г., стр. 311–329; Притиш Бехурия. «Между партийным капитализмом и рыночными реформами — понимание отраслевых различий в Руанде». Журнал современных африканских исследований 53 (03), 2015 г., стр. 415–450.
- 21 Термин «общественный договор» относится к набору норм, регулирующих права и обязанности государств и обществ, который часто считается особенно важным для развития более подотчетных политических систем.
- 22 Чарльз Тилли и Габриэль Ардан. Образование национальных государств в Западной Европе. Издательство Принстонского университета, 1975; Маргарет Леви. Правил и доходов. Издательство Калифорнийского университета, 1989.
- 23 Многие пункты этого раздела перекликаются с классическими работами школы модернизации и ранними работами о развитии демократии в Европе. См., например, Сеймура Мартина Липсета. «Некоторые социальные репрезентанты демократии: экономическое развитие и политическая легитимность». The American Policy Science Review, 53 (1), 1969, стр. 69–105; Баррингтон Мур. Социальные истоки диктатуры и демократии: лорд и крестьянин в создании современного мира. Бикон Пресс, 1966; Дитрих Рюшмейер, Эвелин Хубер Стивенс и Джон Д. Стивенс.

Капиталистическое развитие и демократия. Издательство Чикагского университета, 1992.
- 24 Кеннет Гуд. «Коррупция и бесхозяйственность в Ботсване: лучший пример?» Журнал современных африканских исследований 32 (3), 1994, стр. 499–521.
- 25 Бесплатное начальное образование предоставляется во многих африканских странах, включая Кению, Малави, Танзанию, Уганду и Замбию. Однако немногие страны успешно развили систему среднего образования и университетов, чтобы приспособиться к значительному увеличению числа выпускников начальной школы, вызванному этими изменениями.
- 26 Полное обсуждение см. в «Специальном выпуске: Политическая экономия зарождающегося среднего класса Африки». Журнал международного развития, 27 (5), 2015 г., стр. 573–587.
- 27 Ник Чизман. «Ни буржуазии, ни демократии?» Политические взгляды кенийского среднего класса. Журнал международного развития 27 (5), 2015, стр. 647–664.
- 28 Я благодарен Линдси Уитфилд за это замечание.

ВВЕДЕНИЕ К ТОМУ III

Ник Чизман

Политика идентичности, конфликт и приспособление: класс,
религия и этническая принадлежность в Африке

Национализм и этническая принадлежность являются двумя наиболее важными темами в африканистике и породили две самые крупные и яркие литературные произведения. Научные исследования национализма были сосредоточены на том, как большое количество африканцев объединилось для общего дела, чтобы противостоять колониальному правлению и обеспечить независимость. о том, увеличивает ли этническое разнообразие риск гражданского конфликта и подрывает ли он перспективы экономического роста и демократической консолидации.² Исследователей африканской политики можно простить за то, что они несколько сбивы с толку явным противоречием между этими двумя точками зрения. Как могло случиться, что континент с одним из самых последних националистических движений имеет одни из самых выраженных и проблематичных субнациональных разделений? Том III посвящен объяснению, почему это так и что с этим можно сделать.

Чтобы оценить последующие дебаты, важно признать, что общества могут быть едиными и фрагментированными по разным измерениям одновременно. Общество с небольшим количеством этнических разделений, например, может характеризоваться сильным классовым разделением, как это было в Соединенном Королевстве в 1970-х годах. Точно так же страна, в которой большинство людей принадлежат к одной и той же этнической группе, может быть глубоко разделена, когда речь заходит о религии и, конечно же, о поле (тема, затронутая в последнем томе). В националистический период Африка была одновременно объединена и разделена именно таким образом.

С одной стороны, установление колониального правления привело к сильному расколу между чернокожими африканцами (которые были лишены политических и экономических возможностей) и белыми европейцами (пользовавшимися большими привилегиями). Хотя история часто была более запутанной — например, из-за присутствия азиатских общин, которые часто занимали неоднозначное положение между двумя другими — привлекательности независимости было достаточно, чтобы объединить различные африканские общины вокруг общей цели. ³ В то же время характер националистической борьбы способствовал укреплению

между людьми и местом, отчасти потому, что кампания за независимость подразумевала принятие колониальных границ и, следовательно, территории, которую они разграничивали.

С другой стороны, большинство африканских обществ также были фрагментированы, отчасти в результате политики колониальных держав «разделяй и властвуй» (см. Том I). Следовательно, соперничающие общины часто интерпретировали и понимали независимость со своей собственной точки зрения и, таким образом, выработали совершенно разное отношение к националистической борьбе. Более крупные группы, более развитые в экономическом и политическом отношении, как правило, выступали за быструю деколонизацию, полагая, что именно они выиграют от передачи власти в руки африканцев⁴. пришли к разным выводам и во многих случаях выступали за более постепенный переход в надежде, что колониальные власти можно будет убедить защитить их от «тирании большинства»⁵.

В этом смысле национализм был необходимым мифом. В резком контрасте с единым и согласованным образом национализма, преобладающим в настоящее время на континенте⁶, самые последние колониальные выборы характеризовались острой — и часто жестокой — конкуренцией между африканскими партиями с очень разным отношением к колониальному правлению. Образ 1950-х и 1960-х годов как момента великого национального единства имел тенденцию маскировать эти ранние разногласия. Легко понять, почему. Для лидеров, отчаянно пытавшихся залатать трещины в своих обществах, ретушь истории была политически целесообразной и — поскольку теперь они контролировали официальные нарративы и политику в области образования — относительно простой задачей. Действительно, правительства ряда африканских стран пошли еще дальше, утверждая, что национальное единство необходимо для развития и, следовательно, является законным оправданием для государственного вмешательства, даже если оно должно быть достигнуто силой. социальные и политические разногласия под ковром, попытки продвигать идеализированное видение националистической борьбы были менее эффективными в формировании местных взглядов, чем можно было бы предположить из их доминирования в общенациональных дебатах. Память об опыте колониальной эпохи сохранилась и в эпоху независимости, и межэтническая напряженность часто усугублялась тенденцией правительств отдавать предпочтение одной части страны над другой при распределении ресурсов. В результате силы национализма и этничности продолжают соперничать.

При этом важно не фетишизировать этническую принадлежность. Во-первых, существует небольшая группа более этнически однородных стран, таких как Ботсвана, где этническая принадлежность играет гораздо менее важную роль в политической жизни⁸. В то же время существует ряд других идентичностей, формирующих африканскую политику. Наиболее очевидной из этих идентичностей является религия, хотя классовая принадлежность также имеет важное значение на континенте, хотя и совсем по-другому, чем в Европе и Северной Америке⁹. Слишком часто громкие этнические конфликты отвлекали внимание от того факта, что во многих африканских странах элиты вступают в сговор по этническому признаку, чтобы поддерживать системы экономической эксплуатации. Мордехай

указал на это в случае Кении еще в 1978 году, отметив, что после того, как ожесточенная битва за преемника президента Джомо Кеньяты закончилась, «элита и буржуазия в целом были крайне заинтересованы в стабилизации режима, при котором они процветали». 10 Несмотря на это, межэтническим элитным отношениям впоследствии уделялось относительно мало внимания, пока недавняя работа Леонардо Арриолы не вдохновила новую волну исследований (гл. 50).

Этническая принадлежность имеет отношение к глубоко неравной политической и социальной системе, описанной Тамаркиным, поскольку политика «разделяй и властвуй» позволяет африканской элите порождать недоверие между различными этническими сообществами. Это играет центральную роль в сохранении неравенства в Африке, поскольку препятствует возникновению единой группы обездоленных граждан, которые в противном случае могли бы стремиться свергнуть политическую и экономическую систему, поддерживающую их бедность. Однако она не может объяснить мотивацию элит или последствия их действий. В таких случаях этническая принадлежность используется как средство для достижения цели; лишь изредка это сам конец. Поэтому важно не рассматривать этническую принадлежность изолированно, а скорее понимать, как этническая принадлежность, класс, религия и пол взаимодействуют в африканском контексте.

Класс против этнической принадлежности в Африке

Одна из причин того, что классы в Африке недостаточно изучены, заключается в том, что четкие классовые различия не столь очевидны, как это предполагали Карл Маркс и другие важные теоретики классов. Или рабочий класс за пределами стран юга Африки, которые имеют крупные промышленные горнодобывающие комплексы, и, следовательно, более высокий уровень урбанизации и профсоюзной политики. общепризнанными и общественно значимыми. Действительно, в африканских государствах существуют крайние различия в уровне жизни между богатыми и бедными. Это неравенство существует как между различными этническими группами, так и внутри них: политика «победитель получает все» продвигает интересы одних сообществ по сравнению с другими, но богатые также склонны эксплуатировать бедных внутри своего сообщества.

Чтобы подчеркнуть важность этого пункта, том III начинается не с религии и этнической принадлежности, а с неравенства и классов. Как показывает Николас ван де Валле, Африка представляет собой одну из самых неравноправных стран в мире, прежде всего Ботсвану, Намибию и Южную Африку (гл. 35).

Но континент не столь же неравноправен: некоторые государства страдают от гораздо более глубокого неравенства, чем другие. По словам Ван де Валле, это изменение не может быть объяснено «традиционными объяснениями неравенства». Вместо этого он утверждает, что «природные богатства региона сформировали природу колониальных институтов, которые, в свою очередь, создали условия для высокого уровня неравенства, наблюдаемого сегодня».

Исторически укоренившееся объяснение Ван де Валле подтверждается анализом Николи Наттрасс и Джереми Сикингса (гл. 34), которые находят это неравенство

в ЮАР не упала в 1990-е, несмотря на введение представительной демократии в 1994 г. и наличие правительства (предположительно) левого толка. Они утверждают, что это во многом связано с тем, что новая политика, направленная на дальнейшее повышение степени экономического перераспределения, мало что дала:

помочь основной части бедных в Южной Африке: безработным, и особенно домохозяйствам, в которых никто не работает. Другие меры государственной политики ставят в невыгодное положение эту маргинализованную группу: рынок труда и другие виды экономической политики служат для того, чтобы направить экономику по пути роста, который исключает многих неквалифицированных и безработных.

Взаимодействие между классом и этничностью часто бывает сложным и многослойным. В странах, которые пострадали от ярко выраженной политики «победитель получает все», этнические группы, занявшие пост президента, скорее всего, будут в значительно лучшем положении, чем те, кто этого не сделал. В результате, кто-то с большим богатством и статусом в маргинализованном сообществе может оказаться в худшем положении, чем человек со средним богатством и статусом в другом сообществе. Понимание того, как взаимодействуют класс и этническая принадлежность, имеет решающее значение для любого анализа социальных отношений на континенте и перспектив мира и стабильности. Действительно, этническая принадлежность имела тенденцию быть более взрывоопасной с политической точки зрения в странах, где сменявшие друг друга правительства проводили крайне исключаящую политику, так что этническая принадлежность и классовая принадлежность начинают пересекаться, а сообщество, в котором человек рождается, определяет его жизненные шансы — как в Руанде в 1980-х годах. 13

Отношения между этничностью и классом также имеют значение для политической мобилизации. Еще в 1987 г. Николас Ньянгире указывал, что для того, чтобы стать успешным политическим лидером в Кении, нужно сначала продемонстрировать политическое превосходство в своем собственном сообществе, а затем получить одобрение элит из ряда различных этнических групп.¹⁴ Это означало, что лидеры должны были быть чувствительны как к тому, что их собственные сообщества считали хорошим руководством, так и к символам власти, которые гарантировали бы признание внутри того, что можно было бы назвать, за неимением лучшего термина, «правлящим классом». Моральные дебаты, происходящие внутри этнических групп по таким вопросам, как, например, что считать хорошим лидером, являются предметом главы Брюса Бермана (гл. 36).

Отчет Бермана в значительной степени опирается на работу его давнего соавтора Джона Лонсдейла, который утверждает, что сообщества могут быть одновременно подвержены «моральной этнической принадлежности» — внутренним спорам о том, что значит быть хорошим гражданином и хорошим лидером, — и «политический трайбализм» — манипулирование групповой идентичностью политическими лидерами для разжигания разделения и подавления инакомыслия.¹⁵

Для Лонсдейла моральная этническая принадлежность и политический трайбализм — не альтернативы, а две стороны одной медали. Другими словами, данная этническая общность (Лонсдейл писал о кикуйю в Кении) может одновременно подчиняться этим двум силам. Когда «моральная этническая принадлежность» преобладает, лидеры подвергаются большему давлению, чтобы реагировать на проблемы широких масс.

Но это давление обычно можно преодолеть путем грамотного развертывания

«политический трайбализм», с помощью которого лидеры могут использовать страх своего сообщества перед потерей власти и ресурсов соперничающими группами, чтобы маргинализировать внутреннюю оппозицию. Таким образом, внутригрупповые моральные дебаты и «этническая политика» могут идти рука об руку. Эта концептуализация, утверждает Берман, ценна тем, что помогает объяснить, как «политические племена» могут включать в себя несколько экономических слоев, участвовать в горячих дебатах о надлежащем поведении лидеров сообщества и в то же время действовать как «альянсы», которые могут быть эффективно реализованы. «мобилизован для доступа к государству».

Религия, этническая принадлежность, земля и конфликт

Хотя понимание этнической принадлежности является ключом к пониманию африканской политики, африканская политика — это гораздо больше, чем просто этническая принадлежность. Совершенно очевидно, что в африканских странах зарегистрирован один из самых высоких уровней религиозной веры и практики в мире. Поэтому неудивительно, что, по словам Стивена Эллиса и Джерри тер Хаара, «религиозные способы мышления о мире широко распространены в Африке и оказывают всепроникающее влияние на политику в самом широком смысле» (гл. 37). В своей влиятельной книге «Миры силы» Эллис и Тер Хаар доказывают важность серьезного отношения к африканским взглядам на мир при анализе отношений между религией и политикой. обычное академическое использование основано на предположении о структурном различии между видимым или материальным миром и невидимым миром, тогда как такое жесткое различие не отражает представлений о природе реальности, распространенных в Африке». Другими словами, большинство африканцев верят в существование невидимого духовного мира, оказывающего непосредственное влияние на наблюдаемый видимый мир. Понимание того, как люди в Африке думают об этих двух мирах и о связи между ними, имеет решающее значение, если мы хотим понять, как религиозные убеждения влияют на политическое поведение и наоборот.

Есть много примеров, которые можно использовать для иллюстрации этого аргумента. Если мы выберем только самое очевидное, то, если мы не признаем широко распространенную веру в силу невидимого царства в Африке, невозможно объяснить, почему так много президентов стремились воспользоваться духовной властью и почему восстановление многопартийной политики привело к возрождению политического использования колдовства. Например, президент Заира (ныне ДРК) Мобуту Сесе Секо нанял сенегальского марабута «знахаря» Эль Хаджи Бабакара Кебе и влиятельного малийского марабута Серинь Бабакар Сиссе, чтобы продемонстрировать свою духовную силу. Точно так же в Того президент Эйадема угрожал использовать свои «силы», чтобы сразить противников, одновременно манипулируя обвинениями в колдовстве, чтобы узаконить преследование своих соперников.

Эллис и Тер Хаар утверждают, что понимание взаимосвязи между духовным и политическим имеет решающее значение, поскольку «религия — это формирующий политический язык нашего времени». Этот вывод не будет

неуместно в описании политического влияния религии в современной Африке, которое Рэйчел Битти Ридл представляет в главе 38. Согласно Ридлу,

Растущий религиозный плюрализм в результате политической либерализации создает новые возможности для религиозной мобилизации в политической сфере культурно маргинализированных ... подразумевая возможность социального и политического представительства обедневших и маргинализированных членов сообщества, для которых политика на сегодняшний день потерпела неудачу. .

Отголоски этого аргумента также можно найти в главе Джеффри Хейнса о религии и демократизации в томе IV (гл. 68), в которой подробно описывается некоторый положительный вклад, который религиозные лидеры внесли в защиту прав человека и открытие политического пространства. Однако у этой более позитивной истории политической интеграции и представительства есть и «темная сторона», потому что те самые процессы, которые служат мобилизации религии на политическую арену, одновременно создают условия для более интенсивной религиозной конкуренции. В таких странах, как Кот-д'Ивуар, Кения и Нигерия, это уже привело к повышению уровня напряженности и даже насилия между мусульманскими и христианскими общинами¹⁸.

Отчасти из-за растущей политизации религии, а отчасти из-за того, что некоторые аспекты исламской веры противостоят определенным демократическим принципам, часто говорят, что ислам не «гостеприимен для демократии»¹⁹.

Это утверждение оспаривается Леонардо Вильялоном (гл. 39), который опирается на опыт ряда стран Западной Африки, чтобы поставить под сомнение идею о несовместимости ислама и демократии. Наиболее очевидным из этих случаев является Сенегал, преимущественно мусульманское государство, которое также является одной из самых открытых демократий на континенте. Сенегал не только проводил непрерывные выборы с момента обретения независимости, но и пережил передачу власти.

Вильялон тщательно документирует, как мусульманские страны, такие как Сенегал, Мали и Нигер, перешли «от споров к переговорам», избегая как конфликтов, так и худших аспектов авторитаризма. Понимание того, почему это произошло, предполагает Вильялон, требует от нас подхода к этой теме с другой точки зрения. Вместо того, чтобы спрашивать, «может ли демократия практиковаться в мусульманском контексте, мы должны спросить, как вопрос о демократии формулируется, решается, обсуждается и, возможно, модифицируется в данных мусульманских обществах». Только если мы построим наше исследование таким образом, мы сможем понять, почему ислам оказался совместимым с демократией в одних контекстах и нет в других.

Отражая общую тему этого тома, Вильялон утверждает, что помещение процессов демократизации в соответствующий исторический и политический контекст является ключом к пониманию того, как взаимодействуют религия и политика.

Исследования этнической принадлежности часто приходят к одному и тому же выводу: контекст имеет значение. Сильно политизированные этнические идентичности не просто «существуют». Скорее, в некоторых случаях они поддерживаются и поощряются политическими лидерами, в то время как в других они управляются вне повседневной политики посредством успешных действий.

стратегии национального строительства. Две статьи в части 3 демонстрируют этот момент по-разному. В главе 40 Дэниел Познер предполагает, что этническая напряженность не высечена на камне, а зависит от политического ландшафта. Чрезвычайно влиятельная статья Познера фокусируется на двух конкретных переменных: размере групп по отношению друг к другу и к остальной части общества. Различия в этих двух аспектах создают очень разные стимулы для двух сообществ, что, в свою очередь, объясняет, «почему чева и тумбука являются союзниками в Замбии и противниками в Малави».

Глава Эдварда Мигеля также демонстрирует важность контекста, на этот раз в отношении взаимосвязи между этническим разнообразием и развитием (гл. 42). Загадка, на которую Мигель пытается ответить, заключается в том, почему этническое разнообразие подрывает предоставление общественных благ в Кении, но не в Танзании. Страны во многом похожи, но имеют сильно различающиеся результаты: в Кении районы с более этническим разнообразием, как правило, производят меньше общественных благ, чем районы с менее разнообразным населением, но это не относится к границе. Мигель объясняет это тем, что в то время как президент Джулиус Ньерере руководил эффективным проектом национального строительства в Танзании, сменявшие друг друга кенийские президенты практиковали политику «победитель получает все» и, в худших случаях, фактически поощряли межэтнические столкновения. В результате уровень недоверия и подозрительности между различными этническими сообществами в Кении выше, и поэтому более разнообразным сообществам труднее работать вместе, чтобы предоставлять товары и услуги на благо всех. Таким образом, история и политический контекст формируют значимость и влияние этнической принадлежности.

В отличие от этих двух количественных исследований, Фрэнсис Ньямнджох исследует общинную идентичность в Африке с помощью качественного подхода (гл. 41). Ньямнджох особенно заинтересован в изучении того, как идея национального гражданства с ее акцентом на единстве и общих правах столкнулась с проблемой повышения уровня географической мобильности, а также более высокого уровня миграции и разнообразия, которые она породила. Сосредоточив внимание на напряженности между национальной идентичностью и этническим разнообразием, статья Ньямнджоха очень похожа по духу на аргументацию Махмуда Мамдани (том I, глава 2). Действительно, Ньямнджох использует некоторые термины, принадлежащие Мамдани, в своем обсуждении новых видов социальных и политических отношений, порождаемых растущим числом людей, которых на континенте заклеили как «чужаков». Вслед за Познером и Мигелем, Ньямнджо осторожно указывает, что миграция может привести к очень разным результатам в разных контекстах, создавая возможность учиться на некоторых из наиболее эффективных процессов политического и социального приспособления. Исходя из этого, он утверждает, что следует сосредоточить внимание:

большее научное и политическое внимание к историям успеха в создании новых отношений взаимопонимания между гражданами и субъектами, которые предполагают новые, более гибкие, согласованные, космополитические и популярные формы гражданства с упором на инклюзивность, веселье и прославление различий .

Однако, несмотря на этот более позитивный вывод, Ньямнджох хорошо понимает, что напряженность между «своими» и «чужими» решить непросто, отмечая, что «ускоренная мобильность и возросшая неопределенность порождают растущую напряженность» по всей Африке. Международное и внутреннее перемещение народов оказалось особенно проблематичным, когда оно создало большее давление на землю. Как утверждают Сэм Мойо и Проспер Матонди (гл. 43), это связано с тем, что земля является одновременно важным экономическим ресурсом и играет неотъемлемую роль в смысле идентичности многих сообществ и отдельных лиц. Центральная политическая, социальная и экономическая роль, которую играет земля, и ее растущий дефицит во многих африканских государствах являются ключом к пониманию того, почему конкуренция за землю была столь взрывоопасной в таких странах, как Зимбабве, где жалобы на отчуждение земли и несправедливое распределение земли касаются в широкий спектр исторических и современных противоречий.

Конфликт, описанный Мойо и Матонди, поднимает вопрос о том, когда именно и где конкуренция за землю приводит к конфликту. Это загадка, которую Кэтрин Бун пытается разрешить в главе 45. По словам Буна, напряженность между африканскими мелкими землевладельцами можно «рассматривать как перераспределительные конфликты, которые формируются режимами землевладения, регулирующими доступ к земле и ее распределение». Под режимами землевладения Бун понимает институты, которые «состоят из правил о собственности, власти, юрисдикции и гражданстве». В то время как некоторые режимы землевладения, скорее всего, будут сдерживать конфликты, другие, скорее всего, будут переводить местную напряженность на национальный уровень, что может привести к катастрофическим последствиям. Таким образом, анализ Буна проливает свет на то, как этническая принадлежность и этнический конфликт формируются преобладающим институциональным ко

Питер Гешир предлагает совершенно иной, но во многом дополняющий друг друга подход к пониманию связи между землей, этничностью и конфликтом (гл. 44). При этом он обсуждает и связывает воедино многие ключевые темы этого тома. В то время как Бун подчеркивает различия в институтах землевладения, Гешир документирует то, как слабые государства, глобализация, борьба за землю и повторное введение многопартийной конкуренции объединились, чтобы создать «кризис гражданства».

Этот кризис, как утверждает Гешир, произошел потому, что эти различные тенденции предоставили людям по всей Африке новые причины вкладывать средства в идентичности, которые носят «крайне локальный характер»²⁰. вопрос о том, кто был «своим» и поэтому заслуживал доли доступной земли и ресурсов, а кто был «аутсайдером» и потенциально недостойным политических прав и ресурсов. Естественно, это привело к маргинализации меньшинств и тех, кого считали «чужаками», «вызвав ожесточенные бои за принадлежность и изоляцию». В конечном итоге усилия по исключению групп из числа кандидатов или участия в ресурсах на том основании, что они «не принадлежат», привели к росту уровня насилия в таких странах, как Кот-д'Ивуар, ДРК, Кения и Нигерия.

Гражданская война и миростроительство

Высокий уровень конфликтов на континенте вдохновил на создание большой и яркой литературы о причинах гражданской войны. Основываясь на наборе данных обо всех войнах между 1960 и 1999 годами, Ибрагим Эльбадави и Николас Самбанис утверждают, что гражданская война «вызвана не этнолингвистической раздробленностью ее стран, а скорее высоким уровнем бедности, несостоятельностью политических институтов и экономической зависимостью. о природных ресурсах» (гл. 46). Последний фактор, указанный Эльбадави и Самбанис, также имеет большое значение в главе Пола Коллиера и Анке Хёфлер (гл. 47). В более ранней статье, не вошедшей сюда, Коллиер и Хёфлер вызвали полемику, утверждая, что гражданская война была вызвана не «недовольством» (этнической враждой, нарушениями прав человека и т. д.), а «жадностью», измеряемой с точки зрения доступности природных ресурсов.²¹ В более позднем развитии их работы – например, в воспроизведенной здесь статье – более спорные термины, такие как «жадность», уступили место более общему акценту на факторах, которые могут способствовать или препятствовать конфликту. Таким образом, в главе 47 делается вывод о том, что «экономические характеристики Африки сделали ее более уязвимой для конфликтов» и что трудности в установлении мира на континенте тесно связаны с ее «нетипично низкими экономическими показателями».

Однако важно не преувеличивать уровень насилия в Африке или ее исключительность по сравнению с другими частями мира. Анализируя континент в сравнительной перспективе, Коллиер и Хёфлер обнаружили, что «в Африке частота гражданских конфликтов была такой же, как и в других развивающихся регионах, и, за небольшими исключениями, ее конфликты согласуются с глобальной моделью поведения». Точно так же Скотт Штраус в своей работе «Войны заканчиваются!» показывает, что «основные формы крупномасштабного организованного политического насилия в странах Африки к югу от Сахары снижаются по частоте и интенсивности, и этот регион не является однозначно предрасположенным к началу военных действий» (гл. 48). Анализ Штрауса важен, потому что он демонстрирует, что африканские государства не должны просто смиряться со своей у. Конфликт можно сократить; будущее не должно быть таким жестоким, как прошлое.

В заключительной части этого тома рассматриваются пути достижения более мирного будущего. Многие комментаторы и международные посредники выступали за модели правления с разделением власти как способ распределения власти между различными сообществами и, следовательно, предоставления всем группам доли в политической системе. Есть надежда, что это будет способствовать консенсусу, а не конфликту. Три статьи в части 6 отражают эту идею с разных точек зрения. В главе 49 Андреас Мелер документирует растущее использование формальных правительств с разделением власти как средства прекращения периодов гражданских конфликтов. В главе 50 Леонардо Арриола демонстрирует, как африканские лидеры часто назначали представителей других этнических групп в свои кабинеты в надежде, что включение будет способствовать политической стабильности. Наконец, в главе 51 Ротими Суберу рассматривает нигерийский опыт федерализма в сравнительной перспективе и спрашивает, разрешено ли местным сообществам получать ученую степень.

самоуправления – разделение власти между национальной и местной элитами – способствует более гибким и мирным политическим системам.

Все три автора признают, что эти разные формы разделения власти — некоторые формальные, некоторые неформальные — могут что-то предложить, но также имеют и свои недостатки. Например, в стратегии включения в кабинет, обсуждаемой Арриолой, политическая стабильность достигается за счет широкого распространения покровительства и, таким образом, достигается за счет укрепления сетей патрон-клиент и правления Большого человека, обсуждавшихся в томе II. Последствия типа федеральных систем, анализируемых Суберу, также сложны, потому что, хотя разделение власти между местным и национальным уровнями может помочь предотвратить возвращение к гражданской войне, оно также может вызвать борьбу за власть, поскольку более мелкие этнические группы конкурируют за местное политическое господство. В результате в некоторых федеративных государствах конфликт был децентрализован, а не искоренен.

Картина еще более усложняется, когда речь идет о формировании правительств «единства» в «постконфликтных» странах. Признавая потенциальные преимущества политического примирения, Мелер утверждает, что в некоторых случаях включение крупнейших воюющих сторон в правительство с разделением власти может на самом деле побудить младших лидеров этих движений отделиться и начать новые мятежи, чтобы защитить свои собственные интересы. место за столом переговоров. Таким образом, хотя разделение власти может убедить некоторые группы сложить оружие, оно также может усугубить раздробленность повстанческих сил и распространение насилия. Поэтому ясно, что хотя каждая из стратегий, обсуждаемых в части 6, может помочь уменьшить политическое давление на национальном уровне, ни одна из них не является панацеей.

Несмотря на это предостережение, анализ, собранный в этом томе, дает ряд причин для оптимизма в отношении будущего континента. Этническим разнообразием можно управлять таким образом, чтобы оно не наносило ущерба демократии и экономическому росту. Ислам не должен быть препятствием для открытой и инклюзивной политики. Войны, которые кажутся неразрешимыми, могут быть прекращены. Более того, несмотря на все процессы раскола, запущенные восстановлением многопартийной конкуренции, уровень конфликтов на континенте фактически снизился — замечательный факт, который редко признается.

Единственным очевидным упущением в этом томе является пол. Это не потому, что гендер не является особенно важной темой в африканском контексте — это так, — а просто потому, что главы о гендере собраны вместе в последнем томе, посвященном демократии, в разделе, посвященном политическому представительству.

Старые модели и новые тренды

Позитивный тон предпоследнего абзаца не следует истолковывать как намек на то, что демократии всегда суждено побеждать межобщинные конфликты. Построение инклюзивных и стабильных демократий — тяжелая работа, требующая

время. В странах, где политическая значимость этнической принадлежности уже высока, каждые новые выборы усугубляют этническую напряженность, периодически подталкивая общинную идентичность²². Это вряд ли изменится, если не будут введены новые политические системы и лидеры не примут согласованной работы. В то же время конкурирующие притязания на землю в сочетании с ростом «политики принадлежности» породили мощное местное соперничество, которое нелегко разрешить. Действительно, есть также тревожные свидетельства того, что другие формы общинной идентичности становятся все более раскольническими в некоторых наиболее влиятельных странах континента.

В Кении, например, жесткая реакция правительства на террористические атаки радикальной исламской группировки «Аш-Шабааб» в сочетании с маргинализацией, которую ощущают многие кенийские мусульмане, способствовала растущему расколу между христианами и мусульманами по важным социальным и политическим вопросам. Учитывая проблемный глобальный контекст — подъем Исламского государства и продолжающееся присутствие «Аль-Каиды» — дела, скорее всего, станут еще хуже, прежде чем станут лучше. Точно так же правительство Нигерии изо всех сил пыталось сдержать распространение повстанческого движения Боко Харам, которое все еще продолжалось на момент написания.

Это означает, что существует острая необходимость в политических системах, которые могли бы лучше справляться с межэтнической и религиозной напряженностью. Поэтому вызывает тревогу тот факт, что политические системы африканских стран практически не содержат механизмов, предназначенных для защиты прав меньшинств и содействия политической интеграции (см. Таблицу 1). Только три страны — Эфиопия, Нигерия и Южная Африка — используют федерализм, и в случае с Эфиопией доминирование правящего РДФЭ означает, что на практике создается мало места для представления различных взглядов.

Конституционное разделение власти встречается еще реже. В Южной Африке в 1994 году было создано правительство национального единства, но только для первого парламента после апартеида. Кения и Зимбабве развернули механизмы квазиразделения власти после избирательных кризисов, но они прекратили свое действие до следующих выборов. Нигерийские партии используют неформальную форму политического соглашения, при которой президент должен чередоваться между севером и югом страны, создавая форму временного разделения власти, но это не закреплено в конституции и остается спорным.²⁴

Только в Бурунди были предприняты систематические усилия по обеспечению политической интеграции. После неудачи неоднократных мирных переговоров враждующие группировки страны были убеждены в необходимости поддержать политическую структуру, которая включает в себя большинство черт «консоциативной» модели разделения власти, за которую, как известно, выступала Аренд Лейпхарт: право вето меньшинства, правительство с разделением власти, некоторые формы федерализма и пропорциональное распределение государственных должностей между различными этническими группами в зависимости от их доли в населении²⁵. Несмотря на предупреждение Мелера о потенциально негативных последствиях соглашений о разделении, Успеху способствовало последующее использование правительств национального единства для разрешения политических кризисов в других странах.

Таблица 1 Инклюзивные политические механизмы, применяемые в Африке26

Федерализм	Эфиопия, Нигерия, Южная Африка
Вторая камера*	<u>Назначен:</u> Сенегал, Сомалиленд, Южный Судан <u>Избраны:</u> Кения, Либерия, Нигерия, Зимбабве <u>Непрямое избрание:</u> Бурунди, ДРК, Эфиопия, Габон, Республика Конго, Мадагаскар, Мавритания, Намибия, Руанда, Южная Африка, Судан. <u>Наследственный:</u> Лесото
Пропорциональное представительство в нижней палате	Ангола, Бенин, Буркина-Фасо, Бурунди, Кабо-Верде, ДРК**, Э. Гвинея, Гвинея**, Г. Бисау, Мозамбик, Намибия, Нигер**, Руанда, СТ и Принсипи, Сенегал**, Сейшельские острова**, Сомалиленд, ЮАР, Того
Конституционное разделение власти	Бурунди
Ротация председательства***	Бурунди, Коморские острова, Нигерия (неофициально)
Этнические квоты/балансировка в законодательном органе	Бурунди, Маврикий, Сомалиленд

Сомалиленд включен в иллюстративных целях, несмотря на то, что его суверенитет не признан на международном уровне.

* Избранные = большинство избрано (даже если некоторые назначены), Косвенно избранные = большинство косвенно избраны (даже если некоторые назначены), Наследственные = большинство наследственных пэров (даже если некоторые назначены), все остальные назначены большинством (даже если некоторые прямо или косвенно избраны)).

** Обозначает страны, в которых используются системы параллельного голосования, в которых часть членов избирается с использованием мажоритарного представительства, а другие - с использованием пропорционального представительства.

*** Между этническими группами или регионами; конституционно, если не указано иное.

Однако послужной список квази-разделения власти, который был развернут в Кении и Зимбабве, неоднозначен. С одной стороны, они снизили уровень политического насилия и проложили путь столь необходимой конституционной реформе. С другой стороны, разделение власти подвергается критике на том основании, что, приводя все партии в правительство и, таким образом, предоставляя каждому долю служебных трофеев, оно побуждает бывших лидеров оппозиции закрывать глаза на злоупотребление властью. власть. Появляется также все больше свидетельств того, что в некоторых случаях сделки, направленные на более равномерное распределение власти и ресурсов в рамках политической системы, на самом деле служили укреплению позиций партии, занимающей пост президента.

Например, как в Кении, так и в Зимбабве оппозиционные партии на самом деле получили меньшую долю голосов на выборах, которые были проведены после прекращения действия договоренностей о разделении власти.

Также важно отметить, что даже продуманная институциональная структура мало что может сделать при отсутствии политической воли. В случае Бурунди отказ правящей партии управлять в соответствии с духом и буквой конституции быстро подорвал легитимность политической системы. Однако существенно, хотя авторитарные тенденции президента Нкурузизы

подорвали многие инклюзивные положения конституции и поставили страну на грань коллапса, имевшее место насилие до сих пор не было таким «этническим», как в прошлом. Вместо этого формирование партий с разнообразными списками кандидатов — прямое следствие «консоциативной» конституции — по-видимому, способствовало формированию новых политических альянсов, которые не следуют старым этническим размежеваниям. В результате потенциал для этн. Гражданская война значительно сократилась. Как утверждает Стеф Вандегинсте, это значительное достижение, достигнутое в самых сложных условиях.²⁷

Сложное влияние разделения власти в Бурунди должно стимулировать новые исследования общего баланса различных механизмов содействия политической интеграции, которые обобщены в Таблице 1. До настоящего времени было проведено относительно мало сравнительного анализа воздействия адаптивной политической политики. учреждений в Африке.²⁸ Например, мы относительно мало знаем о положительном влиянии разделения власти на умонастроения политиков и общественности, особенно в менее проблемных контекстах. Поэтому трудно оценить, перевешивают ли «за» «против». Таким образом, «политика включения»²⁹ является одной из областей, в которой требуются тщательные академические исследования не только для расширения наших знаний, но и для оказания помощи в разработке более эффективной политики как в Африке, так и за ее пределами.

Примечания

- 1 Классические тексты о национализме включают Джеймса С. Коулмана. Нигерия: предистория национализма. Калифорнийский университет Press, 1965; Томас Ходжкин. Национализм в колониальной Африке. Лондон: Мюллер, 1956; Шула Маркс и Стэнли Трапидо (редакторы). Политика расы, класса и национализма в Южной Африке двадцатого века. Routledge, 2014. Обсуждение влияния современного национализма см. в главе Блессинг-Майлза Тенди о Зимбабве, том IV, гл. 55.
- 2 См. части 4 и 5 этого тома.
- 3 Агехананда Бхарати. Азиаты в Восточной Африке: Джейхинд и Ухуру. Нельсон-Холл Ко., 1972 г.
- 4 Отличное обсуждение этого процесса см. у Дэвида М. Андерсона. «Ваш в борьбе за Маджимбо». Национализм и партийная политика деколонизации в Кении, 1955–1964 гг.». Журнал современной истории 40 (3), 2005 г., стр. 547–564.
- 5 Краткий обзор этих противоречий см. у Ника Чизмана. 'Введение'. В книге «Демократия в Африке: успехи, неудачи и борьба за политические реформы». Издательство Кембриджского университета, 2015.
- 6 Хорошее обсуждение «культурной амнезии» дает Али А. Мазруи. «Культурная амнезия, культурная ностальгия и ложная память: новый взгляд на кризис идентичности в Африке». African Philosophy 13 (2), 2000, стр. 87–98. Для более общего обсуждения см. Eric J. Hobsbawm. Нации и национализм с 1780 года: программа, миф, реальность. Издательство Кембриджского университета, 2012.
- 7 Это был призыв к внутреннему и континентальному единству. См. Джулиуса Ньерере. «Свобода и единство». Переход (14) 1964, стр. 40 – 45; Кваме Нкрума, Роберта Арригони и Джорджии Наполитано. Африка должна объединиться. Хайнеманн Пресс, 1963.
- 8 Стоит отметить, что даже в этих случаях этническая принадлежность не имела значения. См. Барбару Уэйк Кэрролл и Терренса Кэрролла. «Государство и этническая принадлежность в Ботсване и Маврикии: демократический путь к развитию?» Журнал развития

- Исследования 33 (4), 1997, стр. 464 – 486; Эдвин Н. Уилмсен. «Изменяющаяся идентичность: выход за рамки этнической принадлежности в Ботсване». Журнал южноафриканских исследований 28 (4), 2002 г., стр. 825–841.
- 9 Более подробное обсуждение неравенства в Африке см. у Ника Чизмана. Демократия в Африке. Издательство Кембриджского университета, 2015, стр. 57–62.
- 10 Мордехай Тамаркин. «От Кениятты до Мои — анатомия мирной передачи власти». Africa Today, 26 (3), 1979, стр. 21–37.
- 11 Важно отметить, что «класс» имел гораздо более важное значение в 1960-х и 1970-х годах, когда африканистские дебаты уделяли большое внимание вопросам международной зависимости и статусу африканской элиты. См., например, Никола Суэйнсон. «Подъем национальной буржуазии в Кении». Обзор африканской политической экономики 4 (8), 1977, стр. 39–55. Есть также некоторые современные исключения, такие как Джон Сендер и Шейла Смит. Бедность, класс и гендер в сельской Африке: тематическое исследование Танзании. Рутледж, 2010.
- 12 См. Карл Маркс. Классовая борьба во Франции 1848-1850 гг. Издательство "Прогресс", 1952; Эрик Олин Райт. Подходы к классовому анализу. Издательство Кембриджского университета, 2005.
- 13 Петр Увин. «Этническая принадлежность и власть в Бурунди и Руанде: разные пути к массовое насилие». Сравнительная политика 31 (3), 1999, стр. 253–271.
- 14 Николай Ньянгира. «Этническая принадлежность, класс и политика в Кении». В Майкле Г. Шацберге (ред.). Политическая экономия Кении. Издательство Praeger, 1987, стр. 15–31.
- 15 Джон Лонсдейл. «Моральный и политический спор в Кении». У Брюса Бермана, Диксона Эйю и Уилла Кимлики (редакторы). Этническая принадлежность и демократия в Африке. Издательство Джеймса Карри, 2004 г.
- 16 Стивен Эллис и Герри тер Хаар. Миры силы: религиозная мысль и политическая практика в Африке. Издательство Оксфордского университета, 2004.
- 17 Хейнс также отмечает некоторые недемократические тенденции религиозных лидеров, заключая, что они часто играли неоднозначную роль на континенте.
- 18 Тойин Фалола. Насилие в Нигерии: кризис религиозной политики и светской идеологии. Университет Рочестера, 1998.
- 19 Сэмюэл Хантингтон. «Станет ли больше стран демократическими?» Ежеквартальный журнал «Политология» (99), 1984, стр. 193–218.
- 20 Это был не только африканский феномен, и Гешир также обсуждает пример Европы.
- 21 Пол Коллиер и Анке Хёфлер. «Жадность и обида в гражданской войне». Оксфорд Экономические статьи 56 (4), 2004 г., стр. 563–595.
- 22 Этническая идентичность, как правило, резко возрастает в преддверии выборов. См. Бенн Эйферт, Эдвард Мигель и Даниэль Н. Познер. «Политическая конкуренция и этническая идентификация в Африке». Американский журнал политических наук 54 (2), 2010 г., стр. 494–510.
- 23 Дэвид М. Андерсон и Джейкоб Макнайт. «Кения в состоянии войны: «Аш-Шабааб» и его враги в Восточной Африке». Дела Африки 114 (454), 2015 г., стр. 1–27.
- 24 Например, когда в ноябре 2010 года Омар Яр'Адуа, лидер Севера, умер при исполнении служебных обязанностей, система «зонирования» означала, что его заменил его заместитель Гудлак Джонатан, лидер Юга. Это вызвало значительные разногласия по поводу ротации власти между севером и югом, потому что было неясно, действительно ли север занимал пост президента в течение двух сроков и, следовательно, было ли законным приход к власти лидера с юга.
- 25 Классическое изложение его аргументов см. в Arend Lijphart. «ассоциативное демократия». Мировая политика 21 (2), 1969, стр. 207–225.
- 26 Первоначально эта таблица была опубликована как Таблица C1 в Nic Cheeseman, Democracy в Африке.
- 27 Стеф Вандегинсте, «Избирательный кризис в Бурунди – возвращение к политике разделения власти, как обычно?» Африканские дела 114 (457), 2015, стр. 624–636.

- 28 Есть важные исключения, в том числе Маттейс Богардс. «Избирательный выбор для разделенных обществ: многоэтнические партии и объединение избирательных округов в Африке». *Содружество и сравнительная политика* 41 (3), 2003 г., стр. 59–80; Дональд Л. Горовиц. *Этнические группы в конфликте*. Калифорнийский университет Press, 1985; Дональд Л. Горовиц. *Демократическая Южная Африка? Конституционная инженерия в разделенном обществе*. Калифорнийский университет Press, 1991; Эндрю Рейнольдс. «Конституционная инженерия в Южной Африке». *Журнал Демократии* 6 (2), стр. 1995, 86 – 99; Тимоти Д. Сиск и Эндрю Рейнольдс. *Выборы и управление конфликтами в Африке*. US Institute of Peace Press, 1998. Однако лишь немногие из этих важных работ на самом деле направлены на то, чтобы понять влияние политической инклюзивности путем проведения углубленного анализа соответствующих действующих лиц.
- 29 См. Чизман. *Демократия в Африке*, Заключение.

ВВЕДЕНИЕ К ТОМУ IV

Ник Чизман

Авторитаризм и борьба за демократию в Африке: гражданское общество,
политическое представительство и выборы

Двенадцать лет между 1988 и 2000 годами стали свидетелями глубоких политических преобразований в Африке. Однопартийные государства и персональные диктатуры 1980-х годов исчезли, и на их месте возник ряд стран, в которых регулярно проводятся многопартийные выборы.¹ Это был замечательный период политического возрождения с далеко идущими последствиями для политики, экономики и общества Африки. ² Но здесь, как и в других темах, рассматриваемых в этом сборнике «Основные труды», есть своего рода парадокс: хотя в Африке проводится больше выборов, чем когда-либо прежде, качество демократии на континенте ухудшилось в период с 2010 по 2015 год³. Чтобы понять, почему в этом случае важно понимать, что выборы составляют лишь один элемент демократической системы: в дополнение к политическим правам граждане должны пользоваться гражданскими свободами, необходимыми им для того, чтобы иметь возможность свободно выражать свое мнение. В то же время, если предвыборная борьба должна быть по-настоящему открытой и конкурентной, правительства должны быть ограничены в преимуществах, которыми они пользуются в результате пребывания в должности.⁴

В африканском контексте многие выборы проводятся без необходимого институционального ландшафта — независимой избирательной комиссии, судебной системы и полиции, — необходимого для того, чтобы сделать их свободными и справедливыми⁵. Действительно, сразу после возобновления выборов качество гражданских свобод на Континент фактически пал, поскольку непокорные лидеры применили закулисную тактику, чтобы сохранить власть перед лицом новой электоральной оппозиции.⁶ Хотя эта тревожная тенденция была обращена вспять в начале 2000-х годов, когда процесс демократии снова рухнул.⁷ Эти события привели к появлению сложной литературы, которая стремится определить как возможности, так и проблемы для демократии в Африке. Наиболее важно для наших целей то, что эта часть работы содержит один из самых интересных и важных из всех современных споров: будет ли континент неумолимо двигаться к демократии, регрессировать ли

к авторитарному правлению или остаться там, где оно есть, застряв где-то между ними?

Этот том проливает свет на этот вопрос, исследуя непрекращающуюся борьбу между авторитарным правлением и демократией на континенте. Включенные здесь главы демонстрируют большой потенциал выборов для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в устаревшие политические системы и способствовать процессам демократической консолидации. Однако они также свидетельствуют об ограниченном качестве многих африканских демократий и о том, что процессы демократизации могут усугубить политическую нестабильность и насилие. Это важный момент, поскольку в настоящее время имеются убедительные доказательства того, что в некоторых случаях повторное введение многопартийности усилило значимость этнической идентичности (Том III) и способствовало более высокому уровню коррупции. В результате влияние демократизации на Африку было неравномерным и непоследовательным.

Как и в случае со многими темами, представленными в этом сборнике, споры, возникающие в связи с этим томом, не урегулированы. Есть две основные причины отсутствия консенсуса. Во-первых, одной «Африки» не существует, и разные страны и регионы движутся в очень разных направлениях – тема, к которой я возвращаюсь в заключении. Во-вторых, возобновление выборов вызвало ряд различных процессов, как негативных, так и позитивных. Таким образом, то, как исследователи оценивают общее влияние демократизации, зависит от того, какой набор процессов они считают наиболее важным.

Следовательно, нет единого мнения о направлении, в котором движется континент. Африканские политики могут напрямую вмешиваться, чтобы формировать будущее, но африканским политологам придется подождать и посмотреть, какая из этих противоречивых тенденций победит – или, конечно, будет ли будущее похоже на настоящее.

Демократия и авторитаризм в Африке

Том начинается с рассмотрения ряда режимов в Африке, что важно, потому что, хотя в подавляющем большинстве стран в настоящее время проводятся выборы, остаются некоторые исключения, такие как Эритрея. Чтобы подчеркнуть эту реальность, все четыре статьи в Части 1 посвящены сохраняющемуся авторитарному правлению в Африке.

В главе 52 Патрик Макгоуэн рассматривает причины и последствия военных переворотов в Африке с 1955 по 2004 год. Сосредоточив внимание на Западной Африке, на долю которой приходится 45 процентов всех попыток государственного переворота в Африке, несмотря на то, что она составляет всего 33 процента государств континента, Макгоуэн обнаруживает, что в регионе произошло «сорок четыре успешных переворота под руководством военных, сорок три часто кровавых неудавшихся переворота» и «по меньшей мере восемьдесят два заговора с целью переворота». Примечательно, что введение многопартийной политики в начале 1990-х гг. не сделало континент невосприимчивым к попыткам переворотов и военных переворотов. Вместо этого влияние более открытых форм политической конкуренции перевешивалось «структурной периферией и плохим руководством», что приводило к «отставанию в развитии и слабости государства».

выборов было недостаточно, чтобы положить конец политической нестабильности и авторитарному отступлению. Действительно, МакГоуэн заключает, что в некоторых странах цикл переворота и контрпереворота потребует гораздо более широкого круга:

политико-экономический подход к развитию, при котором рыночная экономика с активным капиталистическим классом, свободным от государственного хищничества и господства многонациональных корпораций и международных финансовых институтов (это, однако, не исключает участия), может справиться с задачей накопления капитала и борьбы с бедностью сокращения и в котором политические лидеры стремятся к законной прибыли, а также к власти путем установления и поддержания сильных режимов прав собственности, верховенства закона и, если возможно, демократии.

Анализ Макгоуэна важен, потому что он подчеркивает постоянную угрозу африканским демократиям в результате свержения авторитарного режима. Глава Николя ван де Валле исследует аналогичную угрозу демократии, но с другой точки зрения, подчеркивая авторитарные аспекты многих предположительно демократических режимов на континенте (гл. 53). В своей классификации африканских политических систем Ван де Валле выделяет старые авторитарные системы, новые демократии и «две дюжины или около того гибридных режимов, в которых подлинный прогресс в направлении демократии сосуществует с оттенком авторитаризма, достаточно сильным, чтобы вызвать сомнения в будущем». демократические результаты». В 1990-е годы эти страны стали называть «квазидемократиями», «электорально-авторитарными» или «конкурентно-авторитарными» государствами, потому что они проводили выборы в отсутствие каких-либо других атрибутов демократии.⁸

В последующих главах Блессинг-Майлза Тенди (гл. 55) и Айли Мари Трипп (гл. 54) приводятся примеры того, почему и как возникли такие «гибридные» политические системы. Взятые вместе, эти главы показывают, что «конкурирующие авторитарные» государства, как правило, имеют ряд общих черт, включая слабую или разделенную оппозицию, мощные силы безопасности и способность противостоять международному давлению (см. Том I). Трипп, например, заключает, что «большинство правителей зашли в политических реформах ровно настолько, насколько они считали нужным, чтобы удовлетворить внутреннее давление и давление доноров». Сохраняются огромные ограничения гражданских и политических свобод». Она основывает эту оценку на опыте Уганды при президенте Йовери Мусевени, которому постоянно удавалось оградить свой режим Движения национального сопротивления (НДС) от давления с целью демократизации.

По словам Триппа, способность Мусевени сохранять контроль над политической повесткой дня была основана на его способности манипулировать международным участием в Уганде для защиты своих интересов. В частности, президенту удалось убедить доноров воздержаться от требований демократических реформ в Уганде, согласившись позволить своей стране стать «подопытным кроликом» для экономической политики Международного валютного фонда и Всемирного банка. Когда его заявление о том, что ограничения демократии необходимы для развития экономики

развитие начало приходить в упадок, Мусевени принял альтернативные стратегии.

В частности, Уганда согласилась предоставить основную часть войск для

недоукомплектованной миссии Африканского союза в Сомали (АМИСОМ), которая имела решающее значение для американских усилий по борьбе с исламским экстремизмом на Африканском Роге.

Поместив свой режим в центр «войны с терроризмом», Мусевени снова сделал себя незаменимым для западных доноров, что, в свою очередь, побудило Великобританию и Соединенные Штаты ограничить критику его авторитарных эксцессов.

Трипп утверждает, что непоследовательность доноров и «их предпочтение экономических реформ перед политическими реформами» означало, что задача привлечения правительства к ответственности и защиты демократических норм и ценностей была оставлена «в основном в руках угандийцев». Хотя ряд лидеров оппозиции пытались оспорить гегемонию НДР, преимущества пребывания Мусевени в должности в сочетании с его жестким контролем над вооруженными силами и полицией позволили ему последовательно побеждать на выборах с большим отрывом.

Еще один лидер, доказавший свою исключительную способность превращать международное вмешательство в свою пользу, — это Роберт Мугабе из Зимбабве. В главе 55 Тенди помещает политическое долголетие Мугабе в более широкий контекст и предполагает, что его контроль над политическим ландшафтом Зимбабве коренится в ряде факторов, восходящих к освободительной борьбе страны, когда он возглавлял Зимбабвийскую африканскую национальную партию. Союз (ZANU) против правительства белого меньшинства Яна Смита. В частности, Тенди утверждает, что власть Мугабе проистекала из его статуса главнокомандующего ZDF [Силы обороны Зимбабве] и его высокого положения в националистической иерархии ZANU (PF) 1970-х годов; его пронизательное использование пребендов для поддержания лояльности; и непоколебимая идеологическая приверженность части военной элиты ЗАНУ (ПФ)».

В то же время Мугабе доказал, что умеет манипулировать языком национализма, изображая оппозицию «предателями» и, таким образом, законными мишенями для насилия. Напротив, его собственные союзники изображаются доблестными защитниками суверенитета Зимбабве. Таким образом, Мугабе удалось превратить свою современную политическую борьбу в повторение освободительной войны, отводя оппозиции незавидную роль неокOLONIALных угнетателей. Таким образом, зимбабвийский опыт служит важным напоминанием о том, что национализм сегодня остается мощной силой в Африке и что национальным единством часто манипулируют, чтобы оправдать репрессии.

Партии, партийные системы и политическая мобилизация

Главы, собранные вместе в Части 1, освещают многочисленные проблемы, стоящие перед оппозиционными партиями в таких странах, как Уганда, Зимбабве и других странах. Вторая часть тома развивает этот момент и рассматривает виды партий и партийных систем⁹, возникших на континенте.

Кэрри Мэннинг утверждает, что «партийные системы в большинстве африканских стран построены на фундаменте, совершенно отличном от того, который лежит в основе как передовых промышленных демократий, так и теорий о партийных системах, порожденных их опытом» (гл. 56). Ключевые отличия заключаются в том, что «вместо сквозных расколов и гибкого плюрализма существует политическая поляризация и определенная постоянство линий [этнических] расколов». Другими словами, политическая значимость этнической принадлежности, отсутствие идеологической точки соприкосновения и сила личных связей означают, что африканские политические системы могут быть подвержены либо большей преемственности, либо большему изменению, чем средневропейская демократия, в зависимости от контекста. Это приводит Мэннинга к выводу, что большая часть существующей сравнительной литературы мало что говорит нам о том, как партии действуют и развиваются в Африке.

Поэтому нам нужны новые и инновационные подходы к изучению партий на континенте. Анализ образования многоэтнических коалиций, проведенный Леонардо Арриолой, представляет собой отличный шаг в этом направлении (гл. 57). Что отличает вклад Арриолы, так это то, что он пытается объяснить условия, при которых наиболее вероятно возникновение оппозиционных альянсов. Это важный вопрос, потому что доминирующие политические партии Африки столкнутся с проблемами при голосовании и будут привлечены к ответственности в законодательном органе только тогда, когда оппозиция их правлению объединится в более крупные и сплоченные движения.

Используя комбинацию качественных и количественных методов, Арриола демонстрирует, что появление заслуживающей доверия оппозиции тесно связано с наличием кредита, необходимого для финансирования партийной деятельности. Точнее говоря, «мультиэтнические оппозиционные коалиции с большей вероятностью будут формироваться там, где должностные лица вынуждены деполитизировать доступ к финансовому капиталу». Как только предприниматели перестанут подчиняться правящему режиму, оппозиционные политики смогут получить финансирование, необходимое для успешного создания многоэтнических избирательных коалиций».

Таким образом, его работа подчеркивает тесную связь между конкурентными выборами и партийным финансированием и дает важное представление об условиях, которые делают возможными эти выборы. Это также поднимает некоторые интересные вопросы: на что африканские политические партии тратят свои деньги и могли бы они тратить их лучше? Другими словами, каков наиболее эффективный способ мобилизации поддержки на континенте? Эффективна ли покупка голосов? Или партии могли бы добиться большего успеха, предоставляя общественные услуги и работая на своем посту?

В главе 60 Леонард Ванчекон исследует эти вопросы, используя данные инновационного полевого эксперимента в Бенине. Он находит, что «клиентелизм работает для всех типов кандидатов», но также и то, что «достоверность клиентелистских призывов и доступность клиентелистских товаров сильно влияют на поведение избирателей». Этот результат имеет важные последствия, поскольку предполагает, что наиболее эффективная стратегия политической мобилизации зависит от кандидата и контекста. Например, «действующие кандидаты имеют возможность сделать клиентелистские призывы более убедительными, предоставив часть обещанных товаров до выборов. Кандидаты от оппозиции могут воспользоваться

выявил некомпетентность действующего президента в предоставлении общественных благ в ходе предыдущего избирательного цикла, чтобы сделать свои обещания, связанные с общественными благами, более привлекательными и заслуживающими доверия».

Другим важным следствием работы Ванчекона является то, что как клиентелистские, так и программные (т.е. основанные на политике) призывы могут быть эффективными в мобилизации политической поддержки, если они выполнены правильно. Дополнительные доказательства в поддержку этого предположения предоставлены Майклом Брэттоном, Рави Бхавнани и Цзе-Хсином Ченом¹⁰ (гл. 58), которые используют данные афробарометра для исследования того, являются ли мотивы голосования африканцев «этническими, экономическими или партийными». Их результаты показывают, что «выборы в Африке — это больше, чем просто этнические переписи или простые экономические референдумы. Вместо этого африканцы участвуют как в этническом, так и в экономическом голосовании». Растущее количество свидетельств того, что выборы в Африке определяются не только возрастом покровителя и этнической принадлежностью, должно вдохновить на новый подход к тому, как они изучаются и понимаются. Однако на момент написания эти важные новые идеи еще не полностью проникли в академический мир и мир средств массовой информации и остались незамеченными для удивительного числа самих африканских политиков.

Тот факт, что многие африканские лидеры не желают отказываться от старых политических стратегий, указывает на то, что они не всегда могут быть полностью согласны со своими собственными гражданами.¹¹ Поэтому важно спрашивать, чего хотят граждане и чего, по мнению их лидеров, они хотят. В главе 59 Стаффа Линдберга делается именно это, используя опрос членов парламента, чтобы выяснить, «подпитывают ли выборы в Африке неопатримониализм, а не противодействуют ему». Вопреки желаниям некоторых избирателей, Линдберг находит доказательства того, что депутаты продолжают сосредотачиваться почти исключительно на покровительстве, когда они приступают к политической мобилизации. Таким образом, «депутаты в значительной степени вовлечены в патронажно-клиентские отношения, чтобы воспроизвести свою политическую власть». К сожалению, он также обнаружил, что «распространенность политики покровительства среди депутатов в Гане увеличилась на протяжении всего периода демократического правления». Исходя из этого, Линдберг предупреждает, что постоянство политики покровительства угрожает подорвать мою вертикальную подотчетность и, таким образом, наносит удар по «самой сердцевине демократической консолидации».

Учитывая до сих пор дискуссию, читатели могут быть удивлены, узнав, что ряд ученых, включая Линдберга, утверждали, что проведение выборов также имеет ряд положительных эффектов. В случае Линдберга большая часть его исследований была посвящена тому, чтобы показать, что, несмотря на негативное влияние, которое выборы могут оказать на клиентелизм, повторное проведение выборов повышает качество гражданских свобод (гл. 61)¹². Это связано с тем, что выборы обучают избирателей демократическим искусствам, создать возможности для координации оппозиции и внедрить норму о том, что лидеры будут выбираться путем голосования. Хотя впоследствии Линдберг модифицировал свой аргумент, признав, что демократизирующая сила выборов, скорее всего, реализуется, когда они достигают определенного порога качества¹³, его анализ остается одним из самых оптимистичных прочтений африканской политики и выступает в качестве важного противодействия аргументу к утверждению, что континент не готов к многопартийной политике.

Мой собственный вклад в эту более позитивную интерпретацию африканской политики заключался в том, чтобы показать, как выборы, которые так часто описывают как нечто большее, чем акты политического театра, могут привести к изменениям при правильных условиях (гл. 62). Опираясь на набор данных обо всех выборах, проведенных в период с 1990 по 2010 год, я утверждаю, что, хотя преимущества занимаемой должности означают, что правящие партии побеждают на большинстве президентских выборов, в которых они участвуют, это зависит от того, способны ли они управлять действующим президентом в качестве своего кандидата. Когда это так, это усиливает преимущества занимаемой должности, и они выигрывают в 85% случаев. Когда это не так, либо из-за ограничений президентского срока, либо из-за смерти лидера, преимущества занимаемой должности менее сильны. В результате правящие партии побеждают только примерно в 50% этих «открытых» выборов – разница составляет около 35%. Таким образом, ограничения президентских сроков создают редкие и важные возможности для политических изменений.

Важно понимать, что более оптимистичная и пессимистичная точки зрения, представленные в частях 4 и 5, не обязательно несовместимы. Многопартийная политика могла — и вызывала — одновременно положительные и отрицательные процессы. Например, выборы могут одновременно предоставлять возможность для политических изменений, способствовать позитивным демократическим тенденциям и поощрять клиентелизм. Точно так же растущая этническая напряженность может идти рука об руку со все более компетентными избирательными комиссиями, в то время как в странах, известных политикой патрона-клиента и однопартийным доминированием, все еще может происходить передача власти – как поражение правительства Народно-демократической партии (НДП) в Нигерии в 2015 г. демонстрирует. Именно сосуществование этих различных тенденций сделало общее влияние демократии на Африку таким сложным и противоречивым.

Выборы, институционализация и подотчетность

Второе направление исследований выявило еще одну положительную тенденцию, а именно институционализацию политики в Африке. По мнению этой группы ученых¹⁴, африканская политика все больше определяется формальными правилами игры. Наиболее влиятельное заявление об этой позиции было сделано Даниэлем Познером и Даниэлем Янгом, которые показали, что африканские лидеры все чаще покидают свои посты в результате конституционных процессов (гл. 63). Другими словами, если в 1980-х годах африканские лидеры, как правило, не покидали власть, если только они не были свергнуты или не умерли при исполнении служебных обязанностей, сегодня они с большей вероятностью покинут Государственную палату в результате поражения на выборах или достижения предельного президентского срока. Это предполагает фундаментальные изменения в способах выбора лидеров и предполагает сопутствующее увеличение способности общественности привлекать правительства к ответственности.

Совокупные результаты Познера и Янга убедительны и обнадеживают, но они также скрывают ряд менее позитивных примеров, когда президентам удавалось притуплять власть выборов и многопартийных конституций, обходя правила игры. Как показывает Х. Квази Премпе в

Глава 64, лидеры с авторитарными наклонностями и сильной властью над парламентом смогли изменить закон, убрав ограничения на количество сроков полномочий и другие юридические ограничения. На этом основании он заключает, что «нынешние президенты Африки могут иметь ограниченный срок полномочий, но, судя по всему, они еще не приручены».

Действительно, сопротивление ограничению сроков полномочий — лишь одна из множества спорных вещей, которые сделали лидеры, чтобы остаться у власти. По всему континенту восстановление многопартийности сократило временные горизонты действующих правительств, побуждая их сосредоточиться на краткосрочном выживании. В странах, которым не повезло оказаться во главе с недобросовестными правительствами, это привело к принятию чрезвычайно рискованных политических стратегий, таких как ничем не сдерживаемая коррупция и развертывание ополченцев для запугивания сторонников оппозиции.¹⁵

Мощный отчет Премпе служит важным напоминанием о том, что такие страны, как Ангола, Камерун и Уганда, мало продвинулись на пути демократической консолидации именно потому, что их лидеры смогли найти способы изменить формальные институты или обойти их. Наряду с аргументами Линдберга, Познера и Янга, анализ Премпе показывает, что то, какие тенденции выбирают исследователи тенденций, зависит, по крайней мере частично, от стран, на которых они склонны сосредотачиваться. Другими словами, различия в стипендиях отражают значительный демократический разрыв, открывшийся на континенте. С одной стороны, в более открытых и ограниченных правилами государствах, на которых сосредоточены Познер и Янг, политика становится все более институционализированной и демократичной. С другой стороны, демократическая консолидация застопорилась во многих конкурирующих авторитарных государствах, отмеченных Премпе, а в некоторых странах авторитарные регрессии произошли.

Как я более подробно обсуждаю в заключении, разрыв между этими двумя наборами состояний, вероятно, со временем будет только увеличиваться.

Еще одним следствием дебатов между Познером, Янгом и Премпе является то, что законодательные органы будут играть решающую роль в демократическом развитии континента. Когда ограничения сроков защищались от президентов, стремящихся продлить свое пребывание в должности, обычно это происходило потому, что законодатели отказывались поддержать правовые изменения, которые требуют лидеры для продления своего пребывания в должности. Тем не менее, несмотря на важность законодательных органов для политического представительства и подотчетности, они постоянно недостаточно изучены. Одним важным исключением была работа Джоэла Баркана. В «Законодательных собраниях на подъеме?» (гл. 65) Баркан утверждает, что репутация парламентов континента как простых институтов «штампа», неспособных осуществлять контроль, не всегда заслужена. Примечательно, что он показывает, что в таких странах, как Кения, «реформаторские коалиции», объединяющие ряд принципиальных и оппортунистических депутатов, оказались в состоянии проголосовать за больший контроль над своими собственными графиками и бюджетами.

Эти браки по расчету работают именно потому, что они предлагают что-то для всех — кроме руководителя, конечно. Для оппортунистических депутатов такие реформы открывают возможности для увеличения их заработной платы и пособий.

Для принципиальных депутатов это укрепляет независимость законодательной власти от

исполнительной, и, следовательно, увеличивает возможности для проверки. Там, где возникали такие межпартийные альянсы, конечным результатом было значительное увеличение автономии законодательной власти, что облегчало проведение дальнейших реформ.

Однако большинство законодательных органов остаются относительно слабыми и податливыми. То же самое относится и к другому потенциальному источнику горизонтальной подотчетности — судебной системе. В главе 66 Питер фон Дёпп и Рэйчел Эллетт задаются вопросом, когда и почему «правительства вмешиваются в деятельность судебных институтов, а не просто позволяют им беспрепятственно осуществлять свою власть». Как и в других статьях этого тома, они документируют значительные различия в отношениях между судебными органами и правительствами по всему континенту. По словам фон Дёппа и Эллетта, такое расхождение в опыте можно объяснить только в том случае, если мы учтем как стратегические интересы президентов, так и «то, как более широкие системные факторы влияют на подходы исполнительной власти к судам». В частности, они предполагают, что неуважение к независимости судебных органов в таких странах, как Малави и Уганда, отражает тот факт, что суды в этих странах «представляли угрозу лидерам» в контексте, в котором правительства уже «столкнулись с острой незащищенностью».

Гражданское общество и политика представительства

Успех или неудача демократических политических институтов, таких как судебная система, также во многом определялись силой и характером гражданского общества.

Однако гражданское общество — далеко не простая тема для исследования или понимания. Как утверждаетс в главе Эммануэля Гима-Боади (гл. 67), сама концепция «гражданского общества» вызывает споры в Африке, потому что многие организации, которые считаются независимыми от государства, на самом деле зависят от государственных средств для своей деятельности. или иным образом связаны с политической элитой (Том II). Обсуждение Джеффом Хейнсом «религии и демократизации в Африке» хорошо демонстрирует это положение (гл. 68). Хейнс обнаружил, что религиозные лидеры часто играли важную роль в протестах и кампаниях, которые привели к возрождению многопартийной политики, но что «высокопоставленные религиозные деятели, как правило, налаживали тесные отношения с государством, что, как правило, вызывало у них двойственное отношение к концепции фундаментальных принципов». политические изменения». Поэтому важно критически взаимодействовать с неправительственными организациями в Африке, потому что реальность часто намного сложнее, чем предполагает теория.

Африканское гражданское общество также страдает от второго ограничения, а именно: отсутствие процветающего частного сектора, крупного среднего класса и сильных профсоюзов означает, что во многих обществах отсутствуют наиболее эффективные строительные блоки, с помощью которых можно противостоять злоупотреблению властью. Есть несколько очевидных исключений, таких как политическое влияние организованной рабочей силы в Южной Африке, где промышленная добыча полезных ископаемых привела к двойным процессам урбанизации и объединения в профсоюзы,¹⁶ но эти случаи в значительной степени являются исключением, подтверждающим правило. Однако, несмотря на структурные проблемы, с которыми сталкиваются многие негосударственные субъекты

были вынуждены действовать в рамках, они, тем не менее, способствовали открытию политического пространства и часто приводили к усилиям по привлечению правительств к ответственности. Как показывает Гима-Боади, некоторые из небольших организаций, которые, как правило, игнорируются, на самом деле сыграли важную роль в содействии включению исторически маргинализированных групп.

Этот момент прекрасно иллюстрируется исследованием Айли Мари Трипп (гл. 69), в котором задокументирован экспоненциальный рост числа женских движений в Африке и их растущее влияние в результате эффективного сетевого взаимодействия на континенте и более агрессивного использования средств массовой информации для требовать свои права». Совокупное влияние этих событий, утверждает Трипп, заключается в том, что «женщины бросают вызов законам и конституциям, которые не поддерживают гендерное равенство. Кроме того, они все чаще занимают правительственные, законодательные, партийные, неправительственные и другие руководящие должности, которые ранее были почти исключительной прерогативой мужчин».

Прогресс, отмеченный Триппом, несомненно, является хорошей новостью и указывает на другую положительную тенденцию, связанную с восстановлением многопартийной политики: растущее присутствие женщин в правительстве в результате принятия законодательных гендерных квот. Однако взаимосвязь между демократией и квотами не является прямой, поскольку нет четкой корреляции между качеством гражданских свобод в стране и уровнем политической вовлеченности. Как отмечают Гретхен Бауэр и Джинни Бернет (гл. 70), в демократической Ботсване «кампании по гендерным квотам повысили осведомленность, но не привели к успеху в достижении квот, а представительство женщин в парламенте низкое и продолжает падать». Напротив, в авторитарной Руанде «конституционная гендерная квота, включающая зарезервированные места в сочетании с добровольными партийными квотами для женщин, привела к тому, что в нижней палате парламента большинство женщин – единственный такой парламент в мире». Когда дело доходит до политического представительства женщин, средняя африканская страна ближе к Ботсване, чем к Руанде, и поэтому прогресс в направлении политического равенства еще предстоит пройти.

Конечно, присутствие женщин в законодательном органе не обязательно означает, что правительства будут более серьезно относиться к гендерным вопросам. И Трипп, и Бауэр, и Бернет признают, что в некоторых случаях введение квот было символическим, и что лишь немногие африканские правительства посвятили время и ресурсы, необходимые для борьбы с гендерным насилием или для продвижения права женщин на наследование земли. В результате политическое представительство обычно не приводило к более широким изменениям. Подлинная реформа остается маловероятной, если не удастся преодолеть некоторые барьеры, мешающие женщинам настаивать на своих правах в рамках политической системы, такие как патриархат, более ограниченные возможности получения образования и более низкая заработная плата.¹⁷ Неспособность ни демократии, ни квот улучшить положение женщин в ряде африканских стран служит важным напоминанием о том, что многопартийная политика может усугубить политическое и экономическое неравенство и мало что может сделать для продвижения интересов исторически маргинализированных сообществ.

Будущее демократии в Африке

Противоречивые тенденции относительно судьбы демократических экспериментов в Африке, выявленные в этом томе, означают, что невозможно убедительно доказать, что африканская политика движется в том или ином направлении. Слишком много неопределенности и слишком много «неизвестного», чтобы быть уверенным в том, станет ли континент более демократичным или более авторитарным через десятилетие. Однако это не означает, что мы не можем сделать обоснованное предположение о том, как будут развиваться некоторые из этих политических процессов.

Ясно, например, что элементы авторитаризма живут по всему континенту и что во многих странах демократия остается под угрозой переворотов и гражданских войн. Ясно также, что в странах, где лидеры предпочитали сопротивляться реформам любыми средствами, угроза электоральной политики побудила правящие партии проводить насильственные стратегии, которые впоследствии дестабилизировали их страны. Хотя такая тактика часто позволяла лидерам оставаться у власти в краткосрочной перспективе, она имела пагубные долгосрочные последствия для экономического роста и национального единства¹⁸.

В то же время мы также знаем, что в странах, где лидеры либо хотели, либо были вынуждены проводить более открытые выборы, были зафиксированы постепенные успехи оппозиции. Повторное проведение выборов, по-видимому, также способствовало демократической консолидации, по крайней мере, в тех странах, где опросы соответствуют минимальному порогу качества и конкурентоспособности¹⁹. Действительно, несмотря на все проблемы, с которыми столкнулся континент, передача власти постепенно усиливается²⁰.

К сожалению, во многих странах эти изменения еще не привели к улучшению представительства меньшинств и женщин в правительстве. Тем не менее, несмотря на это, конкурентные выборы шли рука об руку с более инклюзивными политическими процессами в таких странах, как Гана и Маврикий²¹.

Этот разнообразный опыт предполагает, что африканская политика, скорее всего, пойдет несколькими разными путями, а не будет следовать общему опыту. Другими словами, существует не одна «Африка», а три (или четыре, или пять) «Африк». Если мы исключим те штаты, где нет эффективного правительства,²² очень простая разбивка может выглядеть следующим образом. В первую группу входят государства, установившие открытые и конкурентные демократии: Ботсвана, Бенин, Гана, Маврикий, Сенегал, ЮАР и т. д. Выводы Линдберга, Познера и Янга позволяют предположить, что эти страны, вероятно, со временем продолжат добиваться дальнейших демократических успехов. Однако важно помнить, что, несмотря на то, что многие из этих государств ведут активную политическую конкуренцию, они остаются институционально слабыми. Поэтому нас не должно удивлять, если в некоторых странах этой категории возникнут внезапные авторитарные перебои, как это произошло в Мали в 2014 году²³.

Во-вторых, есть группа стран, в которых лидеры с авторитарными наклонностями пытаются устоять против агрессивных оппозиционных партий: Бурунди, ДРК, Кения, Уганда, Зимбабве и т. д. Главы

Тенди и Трипп предполагают, что эти страны, вероятно, будут колебаться между достижениями оппозиции и авторитарными репрессиями до тех пор, пока нынешнее правительство не согласится смириться с поражением. Если между соперничающими партиями, которым правительства готовы передать власть, установится достаточное доверие, траектория этих стран начнет совпадать с траекторией первой группы, описанной выше. Но в равной степени вероятно, что высокий уровень недоверия и значительные выгоды от должности будут побуждать лидеров оставаться у власти любой ценой. Поэтому демократические перспективы стран этой группы необходимо будет продумывать в каждом конкретном случае. Может потребоваться несколько случаев авторитарных репрессий, прежде чем произойдет демократический прорыв, если он вообще произойдет.²⁴

Наконец, есть государства, в которых, по крайней мере на данный момент, авторитарные правительства установили сильный контроль над своими политическими системами и практически не встречают сопротивления: Камерун, Эфиопия, Руанда и так далее. Анализ, проведенный Премпе и Ван де Валле, демонстрирует способность президентов этих государств игнорировать верховенство закона и ограниченные перспективы демократической консолидации. Поэтому заманчиво думать об этой группе как об устойчивой авторитарной категории. Однако, как и в случае с первой группой стран, важно не интерпретировать внешнюю видимость стабильности как свидетельство того, что режим имеет глубокие корни. Народное молчание не следует принимать за одобрение. Многие из самых значительных смен режимов в истории — распад Советского Союза и «арабская весна» — остались незамеченными. Слишком рано делать вывод о том, что такие страны, как Камерун и Руанда, не столкнутся с подобными потрясениями в будущем, особенно учитывая внезапный крах 27-летней личной диктатуры Блеза Компаоре в Буркина-Фасо в октябре 2014 г.²⁵

Предположение о том, что африканские государства могут следовать тремя или более политическими путями, поднимает важный вопрос: чем объясняется, почему некоторые страны совершают достаточно плавный переход к демократическому правлению, в то время как другие попадают в ловушку повторяющихся циклов межэлитных и межэлитных отношений? -этнический конфликт? Слабость политических институтов в Африке означает, что ответ вряд ли можно объяснить исключительно различиями в институциональной силе, хотя это, несомненно, сыграло важную роль в относительно успешном процессе демократизации в Южной Африке после 1994 года²⁶. возможные факторы, такие как роль образования, состав элитных сетей и структура экономики. Исследования в этих областях обладают наибольшим потенциалом для получения новых сведений о расходящихся переходных процессах в Африке.

Хорошим примером формы, которую может принять это исследование, является недавняя статья Ани Осей об отношениях между элитами в Гане, которая, к сожалению, была опубликована слишком поздно, чтобы быть включенной здесь.²⁷ Осей проводит анализ социальных сетей отношений между ганскими депутатами и исследовать, являются ли их сети узкими и закрытыми или широкими и всеобъемлющими. Основная гипотеза, лежащая в основе этого подхода, заключается в том, что более широкие сети предполагают

более сплоченная элита и, следовательно, лучшие перспективы демократической консолидации. Основываясь на тщательном анализе социальных и политических привычек депутатов, Осей находит, что ганские законодатели регулярно участвуют в межпартийных и этнических конфликтах, и на этом основании приводит убедительные доводы в пользу того, что высокий уровень межэлитной сплоченности способствовал демократическим завоеваниям страны.

Анализ Осеи также предлагает более широкий вывод: если мы хотим понять, как демократия возникает в странах, где отсутствует большинство факторов, которые, как было установлено, поддерживают демократическую консолидацию в других частях мира, — процесс, который я в другом месте описал как «демократизация вопреки всему»²⁸, — тогда нам придется сосредоточить внимание на новых объяснительных факторах, которые реже появляются в сравнительной политологической литературе. Это важный момент, который перекликается с более ранней работой Клода Аке²⁹ и, несомненно, указывает путь вперед для изучения африканской демократии.

Примечания

- 1 Эритрея до сих пор остается примером чистого авторитаризма на континенте.
- 2 Более подробное обсуждение этого процесса, чем возможно здесь, см. у Ника Чизмана. *Демократия в Африке: успехи, неудачи и борьба за политические реформы*. Издательство Кембриджского университета, 2015.
- 3 См., например, тенденцию в рейтингах Freedom House для африканских стран, <<https://freedomhouse.org/regions/sub-saharan-africa>> (16 июля 2015 г.). Афробарометр, предоставляющий постранные данные об оценках гражданами качества демократии в их собственных странах, позволяет выявить те случаи, когда существует наибольший разрыв между «спросом» на демократию в обществе и «обеспечение демократии правительством». См. <www.afrobarometer.org> (15 июля 2015 г.).
- 4 Для более подробного обсуждения того, что делает демократию, см. классическую работу Роберта Даля, например Роберта А. Даля. *Демократия и ее критики*. Издательство Йельского университета, 1991.
- 5 Недавние дебаты по этому поводу см. у Томаса Карозерса. «Ошибка «секвенирования»». *Журнал демократии* 18 (1), 2007 г., стр. 12–27; Дэниел Бранч и Ник Чизман. «Демократизация, последовательность и провал государства в Африке: уроки Кении». *Дела Африки* 108 (430), 2009 г., стр. 1–26.
- 6 Это замечание впервые было отмечено Майклом Брэттоном и Николасом ван де Валле. *Демократические эксперименты в Африке: переходы режимов в сравнительной перспективе*. Издательство Кембриджского университета, 1997, введение.
- 7 Дополнительную информацию по этому вопросу см. во Введении к Тому I.
- 8 Стивен Левицкий и Лукан Уэй. «Рост конкурентного авторитаризма». *Журнал демократии* 13 (2), 2002 г., стр. 51–65.
- 9 Термин «партийная система» относится к набору партий, которые действуют в рамках данной политической системы, и к тому, как они взаимодействуют.
- 10 Афробарометр собирает данные обследований из более чем 35 африканских стран. Видеть <www.afrobarometer.org> (15 июля 2015 г.).
- 11 Для более общего обзора форм политической мобилизации, используемых африканскими лидерами, см. Cheeseman. *Демократия в Африке*, гл. 6.
- 12 Стаффан И. Линдберг. *Демократия и выборы в Африке*. Университет Джона Хопкинса Пресс, 2006.

- 13 Каролин ван Хэм и Стаффан И. Линдберг. «Сила выборов в многопартийной Африке». В Ник Чизман (ред.). Политические институты в Африке. Издательство Кембриджского университета, готовится к печати.
- 14 Все большее число политологов-африканистов сосредотачиваются на роли политических институтов, и сборник этих работ скоро будет опубликован в журнале *Cheeseman* (ред.). Политические институты в Африке.
- 15 Бранч и Чизман. «Демократизация, последовательность и провал государства в Африке: уроки Кении».
- 16 Обсуждение случаев, в которых профсоюзы сыграли значительную роль, см. в Glenn Adler and Eddie Webster (eds). Профсоюзы и демократизация в Южной Африке, 1985–97. St Martin's Press, 2000.
- 17 Пример того, как конкретное сочетание внутреннего и международного давления привело к прогрессивным реформам, см. в Peace Medie. «Борьба с гендерным насилием: женское движение и соблюдение закона об изнасиловании в Либерии». *Дела Африки* 112 (448), 2013 г., стр. 377–397.
- 18 Чизмен. Демократия в Африке.
- 19 Филип Г. Ресслер и Марк М. Ховард. «Политические режимы после холодной войны: когда выборы имеют значение?» В Стаффане Линдберге (ред.). Демократизация путем выборов. Издательство Университета Джона Хопкинса, 2009 г., стр. 101–128.
- +20 Хотя конечно не все. См. Ника Чизмана. «Нкурунзиза должен уйти, пока его руки не запачкались кровью». *Sunday Nation*, 17 мая 2015 г., доступно по адресу [www.democracyinafrica.org/nkurunziza-must-leave-before-he-gets-any-more blood-on-his-hands](http://www.democracyinafrica.org/nkurunziza-must-leave-before-he-gets-any-more-blood-on-his-hands) (15 июля 2015 г.).
- 21 Для критической оценки последнего случая см. Deborah Brautigam. «Маврикий: переосмысление чуда». *Текущая история* 98 (628), 1999, стр. 228–231.
- 22 Например, на момент написания, Мали и Сомали.
- 23 «Африканские дела» опубликовали три брифинга, объясняющих различные аспекты этого кризиса. См. Катрину Дауд и Клионад Рэли. «Миф о глобальном исламском терроризме и локальном конфликте в Мали и Сахеле». по *делам Африки* 112 (448), 2013 г., стр. 498–509; Роланд Маршал. «Военные (мис) приключения в Мали». *Дела Африки* 112 (448), 2013 г., стр. 486–497; Сюзанна Д. Винг. «Мали: политика кризиса». *Дела Африки* 112 (448), 2013 г., стр. 476–485.
- 24 Чизмэн. Демократия в Африке, гл. 6.
- 25 Мари-Солей Фрер и Пьер Энглебер. «Брифинг: Буркина-Фасо — падение Блеза Компаоре». *Дела Африки* 114 (455), стр. 295–307.
- 26 Майкл Брэттон и Николас ван де Валле отмечают, что на данном этапе Южная Африка была одним из небольшого числа африканских государств, в которых не было неопатримониальной политики. Майкл Браттон и Николас ван де Валле. *Демократические эксперименты в Африке: переходы режимов в сравнительной перспективе*. Издательство Кембриджского университета, 1997, стр. 97, 191.
- 27 Аня Осей. «Элиты и демократия в Гане: подход социальной сети». *Дела Африки* 114 (457), 2015 г., стр. 529–554.
- 28 Чизмен. Демократия в Африке, введение.
- 29 Клод Аке. *Демократия и развитие в Африке*. Пресса Брукингского института, 2001.